
Настоящій
Робинзонъ

НАСТОЯЩІЙ РОБИНЗОНЪ.

ИСТИННОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ.

ИЗЪ ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

ИЗДАВАЕМАГО

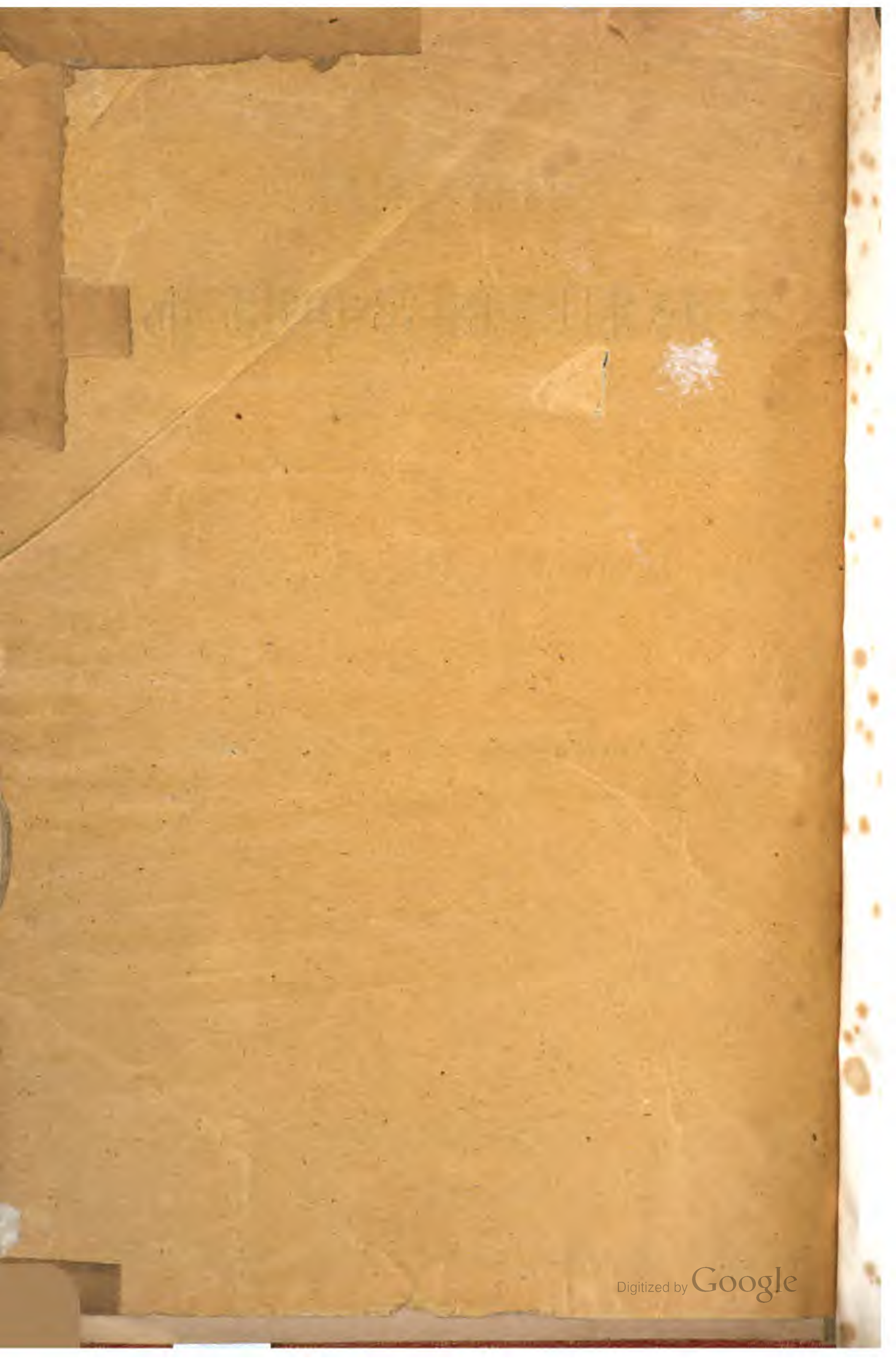
М. Чистяковымъ и А. Разинымъ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—

1851.



НАСТОЯЩІЙ РОБИНЗОНЪ.

НАСТОЯЩІЙ РОБИНЗОНЪ.

ИЗЪ ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

ИЗДАВАЕМАГО

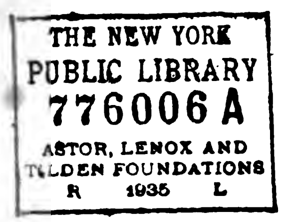
М. Чистяковымъ и А. Разинымъ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1851.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Марта 6 дня, 1851 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

НАСТОЯЩІЙ РОБИНЗОНЪ.

ИЗЪ ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТЕЙ,

ИЗДАВАЕМАГО

М. ЧИСТЯКОВЫМЪ И А. РАЗИНЫМЪ.

Глава I.

Кто изъ нашихъ читателей не знаетъ Робинзона, этого несчастнаго обитателя необитаемаго острова? Кто изъ съ не сочувствовалъ бѣдному пуыннику, не боялся за него въ нуты опасности, не радовался ікой его удачѣ?

Умный сочинитель книги, извѣстй подъ названіемъ Робинзона Кру, Даніель-де-Фоэ, описываетъ въ емъ разсказѣ истинное происшеіе: только дѣло было не совсѣмъ ъ, какъ разсказываетъ де-Фоэ.

Настоящаго Робинзона звали эксандромъ Селькиркомъ; у него было товарища, даже негра; его житье было еще гораздо хуже, уединеніе еще страшнѣе тяготило его, и нѣсколько разъ едва онъ не погибъ. Мы разскажемъ то, что было въ самомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1703 года, корабль «Эспадонъ», съ хорошимъ запасомъ съѣстныхъ и всякихъ другихъ припасовъ, нагруженный разными товарами, при попутномъ вѣтрѣ вышелъ изъ порта Дунбара (городъ въ Шотландіи). Онъ прошелъ мимо Ирландіи, оставилъ влѣвѣ Францію и Испанію, зашелъ на Азорскіе и Канарскіе острова, останавливался на нѣсколько времени въ Гвинеѣ и обогнулъ мысъ Доброй Надежды среди прославленныхъ бурь. Прой-

дя через Зондскій проливъ, онъ приставалъ къ Явѣ, къ Борнео, по Китайскому морю обогнулъ Филиппинскіе острова и, переплывъ Тихій Океанъ, бросилъ якорь въ одной изъ бухтъ Калифорніи. Это огромное путешествіе предпринялъ на своемъ собственномъ кораблѣ Страддлингъ, старый, сердитый морякъ, находившій особенное удовольствіе



Отправленіе Эспадона.

въ томъ, чтобы его называли морскимъ волкомъ. Торговля и страсть къ богатству принудили его къ такому далекому путешествію.

Съ половины шестнадцатаго вѣка и въ семнадцатомъ — носились слухи, что около Румянаго моря, нынѣшняго Калифорнскаго залива, есть страна, въ которой рѣки текутъ по золотому дну, а горы стоятъ на золотыхъ основаніяхъ. Эта дивная страна заранѣе, по слухамъ, названа Эльдорадо (Золотой Край), и множество путешественниковъ ѣздили отъискивать золота; но все напрасно. Многіе ученые, послѣ тщательныхъ разъисканій на мѣстѣ, стали даже писать, что Золотой Край — не земля, а сонъ, мечта. Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія нѣсколько промышленниковъ пытались еще посылать корабли въ Эльдорадо; но неудачи заставили ихъ наконецъ отказаться отъ несбыточныхъ надеждъ, и въ Европѣ совсѣмъ перестали говорить объ Эльдорадо, развѣ только въ шутку, или въ насмѣшку.

Золотой Край однако существовалъ, и въ наше время, открытіе огромнаго количества золота въ Калифорніи доказало, что старинные слухи были справедливы.

Страддлингъ тоже непонапрасну искалъ, искалъ Эльдорадо, и наконецъ отправился вдоль берега Мо-



Островъ, на который былъ высаженъ Селькиркъ.

хики, къ югу. Гдѣ выгодно было, онъ торговалъ, гдѣ можно было, онъ открытой силой отнималъ чужое. Въ тѣхъ отдаленныхъ краяхъ и въ тѣ времена — еще можно было безнаказанно разбойничать.

Но въ экипажѣ Эспадона былъ одинъ молодой человѣкъ, Селькиркъ, котораго приводили въ негодованіе жестокости хозяина корабля. Селькиркъ былъ родомъ Шотландецъ, характера веселаго и беззаботнаго. Въ молодости онъ хорошо учился, слушалъ лекціи въ университетѣ; но разныя несчастія разорили его и лишили всякой возможности продолжать ученыя занятія. Надо было заботиться о томъ, чтобы заработать кусокъ хлѣба и существовать честнымъ образомъ. Не долго думалъ онъ, да и нужда не даетъ много времени думать. На первый изъ отходящихъ кораблей онъ поступилъ матросомъ, и, какъ человѣкъ образованный, не могъ долго оставаться въ этомъ званіи: начальники скоро отличили его и дали ему на кораблѣ мѣсто, которое требовало знаній. Возвратясь на родину, съ прежнею беззаботностью принялъ онъ первое попавшееся ему мѣсто, и, по несчастію, попалъ на корабль Страддлинга.

Въ качествѣ помощника, Селькиркъ исполнялъ свою обязанность, какъ должно; но грубое обращеніе и жестокости хозяина вывели его изъ терпѣнія; потому что онъ поневолѣ долженъ былъ иногда разбойничать вмѣстѣ съ остальнымъ экипажемъ. Грубому, невѣжественному Страддлингу тоже не нравился его благородный и добрый помощникъ: между ними ничего не было общаго. Селькиркъ рѣшился наконецъ отпроситься на твердую землю. Онъ разсчитывалъ, что если выйдетъ на берегъ, то въ состояніи будетъ найти мѣсто на другомъ кораблѣ и пробраться опять въ Шотландію.

Страддлингъ, съ злобной усмѣшкой, согласился. Спустили на море лодку, положили въ нее все, что принадлежало Селькирку, положили еще нѣсколько пустыхъ бочекъ, чтобы кстати, на берегу, наполнить ихъ водою, посадили Селькирка и свезли на берегъ. Тамъ, за деревьями, казалось ужъ ему, должны быть и дома, и городокъ какой нибудь, близко долженъ быть Коквимбо, гдѣ онъ найдетъ своихъ земляковъ.... Лодка, нагрузившись водою, отчалила отъ берега; Эспадонъ поднялъ всѣ паруса и быстро скрылся изъ глазъ Селькирка.

Съ большимъ удовольствіемъ почувствовалъ Селькиркъ, что онъ избавился наконецъ отъ своенравнаго хозяина, но въ тоже время и грустно ему было разставаться съ товарищами. Впереди новыя сношенія съ другими людьми, совершенно незнакомыми, чужими; и можно-ли ему было надѣяться встрѣтить кого нибудь близкаго совсѣмъ на другой

сторонѣ земнаго шара, въ Коквимбо? — Долго слѣдилъ онъ глазами за бѣлыми парусами Эспадона, долго еще смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ пропала за горизонтомъ бѣлая точка, и потомъ взглянулъ вокругъ себя.

Онъ былъ на небольшомъ мысу, подъ раскидистыми деревьями: на сочномъ, зеленомъ лугу, солнце играло на разнообразныхъ, роскошныхъ цвѣтахъ. Передъ нимъ два ручья, пробѣжавъ блестящими извилинами по огромному лугу, соединялись почти у ногъ Селькирка и сливались съ моремъ. Онъ наклонился къ ручью, напился изъ него свѣжей, холодной воды, потомъ сорвалъ цвѣтокъ, потомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и сталъ осматриваться. Вправо отъ него были высокія, скалистыя, мѣстами зеленыя и повсюду пустынныя горы; только на вершинѣ одной изъ нихъ онъ увидѣлъ козу, съ длинными рогами, и очеркъ ея, темнымъ пятномъ, красиво и четко рисовался на ясной лазури. Налѣво отъ него было нѣсколько цѣпей небольшихъ зеленыхъ холмовъ съ чудесными, веселыми долинами. Но и направо, въ горахъ, и налѣво, въ долинахъ, напрасно искалъ онъ глазами какихъ нибудь слѣдовъ человѣческаго жилья. Сначала, въ торопяхъ, при высадкѣ на берегъ, показалось ему, будто онъ видѣлъ домъ, даже цѣлый городъ; а послѣ, всмотрѣвшись, онъ замѣтилъ, что это только — голая скала.

Но Коквимбо долженъ быть недалеко. Селькиркъ сталъ собираться въ путь. Онъ привезъ съ собою на берегъ всѣ свои вещи, оружіе, морскіе инструменты, карты, Библію, нѣсколько провизіи разнаго рода. Селькиркъ взялъ только ружье, да порохъ, а все остальное припряталъ какъ можно лучше подъ иглами кактуса и алоэ, чтобы какой-нибудь прохожій не вздумалъ воспользоваться его богатствомъ.

Въ то время, какъ онъ возился около своихъ вещей, вдругъ почувствовалъ, что его сзади охватили двѣ покрытыя шерстью руки. Оглядывается и видитъ, что это съ нимъ играетъ и скалитъ зубы Маримонда, обезьяна, принадлежавшая хозяину Эспадона, Страддлингу.

Какъ она сюда попала? — Должно быть, ей надоѣло морское путешествіе; между тѣмъ какъ готовили лодку, вѣроятно, спустилась она въ нее, и нашла себѣ мѣсто между бочками; а тамъ, на берегу, гдѣ-жъ увидѣть ее въ листьяхъ и густо переплетшихся вѣтвяхъ?

Онъ оттолкнулъ отъ себя обезьяну и отправился въ путь. Маримонда однакоже не отставала; сдѣлавъ нѣсколько скачковъ и гримасъ, чтобы умилостивить человѣка, она опять, припрыгивая, пошла за нимъ. Но Селькирку вовсе не хотѣлось явиться въ Коквимбо съ такимъ страннымъ товарищемъ; на этотъ разъ онъ сильнѣе прежняго оттолк-

нулъ ее, и ужъ не рукою, а прикладомъ ружья.

Получивъ толчекъ въ самую грудь, бѣдная обезьяна остановилась; глаза ея забѣгали, заморгали; она стала шевелить губами, съ тихимъ, жалобнымъ воплемъ забилась подъ какой-то большой листъ и оставила человѣка одного идти своей дорогой.

Сначала Селькиркъ обошелъ ближнія долины, восходилъ на пригорки, но нигдѣ не видалъ ни города, ни деревни, ни дома, ни избушки, ничего, что могло-бы навести его на слѣдъ человѣческаго жилья.

Однакожъ, проходя по одному небольшому лѣску, онъ замѣтилъ, что деревья, будто, были подстрижены, какъ въ нѣкоторыхъ садахъ; на землѣ валялись отрѣзанныя вѣтки; неподалеку оттуда, на сыромъ пескѣ, онъ увидѣлъ свѣжіе слѣды недавно прошедшаго стада.

Вотъ наконецъ, вдали, неподалеку отъ моря, среди тумана, видитъ онъ цѣлый городъ: множество красныхъ и бѣлыхъ домовъ; на нѣкоторыхъ кровли плоскія, на другихъ — изъ пальмовыхъ листьевъ; среди слоевъ тумана видитъ онъ даже, какъ блестятъ стекла въ окнахъ; ему ужъ кажется, будто онъ слышитъ обычный говоръ и шумъ города, будто ужъ раздаются удары молота и стукъ мельницъ.

Это, конечно, Кокимбо! — Онъ выбралъ ближайшую, прямую дорогу и пошелъ скорѣе.

Онъ идетъ, идетъ, и ужъ старается разсмотрѣть главную улицу.... Между тѣмъ, отъ легкаго вѣтерка туманъ потянулся на гору, и Селькиркъ ясно увидѣлъ — груду голыхъ скалъ, а на нихъ, мѣстами, нѣсколько травы и кустарниковъ кактуса. Подходя ближе къ воображаемому городу, онъ спугнулъ стадо дикихъ козъ; тутъ-же стада чаекъ и болтливыхъ дроздовъ поднялись и закружились въ воздухѣ; только дятлы, не двигаясь, постукиваютъ своими твердыми клювами въ кору старыхъ деревьевъ.

Кокимбо, однако, не долженъ быть далеко. Боясь, впрочемъ, слишкомъ удаляться отъ берега, чтобъ не заплутаться въ странѣ незнакомой, онъ рѣшился сначала повнимательнѣй присмотрѣться къ разнымъ предметамъ. Возвратясь на то мѣсто, гдѣ вышелъ на берегъ, онъ сталъ взбираться на горы, бывшія отъ него влѣвѣ. Взошелъ на первую площадку, смотрѣлъ, смотрѣлъ.... Никакого слѣда города. Взобрался выше, обнимаетъ взглядомъ большое пространство: множество лѣсовъ, горъ, долинъ, а человѣческаго жилья нѣтъ! Тогда, взбираясь на четверенькахъ, по камнямъ, обрывамъ и уступамъ, съ большимъ трудомъ достигъ онъ верхней части горы. Оттуда обширный горизонтъ открылся его глазамъ, и на этомъ горизонтѣ — все море, да море, со всѣхъ сторонъ.

Онъ былъ не на твердой землѣ, а на островѣ.

Въ тотъ вечеръ Селькиркъ, измученный до крайности, помѣстился на ночь въ маленькомъ естественномъ гротѣ, при подошвѣ горы, и спалъ безпокойнымъ, прерывистымъ сномъ.

На другой день, онъ поднялся вмѣстѣ съ солнцемъ и прежде всего сталъ осматривать свои богатства и провизію. У него было два ружья, два топора, большой ножъ, чугунный котелъ, Библія, математическіе инструменты, запасная одежда; сверхъ того онъ нашелъ нѣсколько гвоздей, большой кусокъ парусины, боченокъ пороху, свинцу, мѣшокъ сухарей, четверть ветчины, боченокъ семги и съ дюжину кокосовыхъ орѣховъ.

Тутъ только онъ догадался, что Страддлингъ съ намѣреніемъ высадилъ его на островъ и приговорилъ къ изгнанію, можетъ быть, очень продолжительному, ежели не вѣчному; а то иначе зачѣмъ-же было давать ему столько провизіи? — Но неужели этотъ островъ совершенно необитаемъ? Неужели я здѣсь совершенно одинъ?

Послѣ сытнаго завтрака, все еще увѣренный, что на островѣ есть люди, онъ отправился ихъ отъискивать. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ увидѣлъ совершенно спокойно и неподвижно сидящую птицу.

Эта птица былъ туканъ, съ блестящими перьями и огромнымъ клювомъ. Селькиркъ шелъ въ трехъ шагахъ отъ него, а туканъ, не трогаясь съ мѣста, смотрѣлъ на человѣка съ какимъ-то спокойнымъ, мирнымъ удивленіемъ.

Селькиркъ остановился.

— Такъ ты не знаешь, сказалъ онъ птицѣ, что такое человѣкъ? Ты не знаешь, что ты можешь понадобиться ему на завтракъ?

И онъ ударилъ рукою по прикладу ружья и взвелъ курокъ.

Птица подняла голову, и въ глазахъ ея выразилось еще большее удивленіе, при звукахъ человѣческаго голоса, при стукѣ оружія. Потомъ она громко щелкнула своимъ пустымъ клювомъ, пронзительно и протяжно крикнула, и, гордо приподнявъ одно крыло, стала чистить свои прелестныя съ пурпурнымъ отливомъ зеленоватыя перья.

Недалеко оттуда Селькиркъ увидѣлъ другихъ птицъ; однѣ сидѣли въ гнѣздахъ, другія — такъ, на вѣтвяхъ, ничуть не безпокоясь, мирно сидѣли въ тѣни и распѣвали свои пѣсенки. Хохлатые дрозды, снигири съ капишонами смѣло хватали насѣкомыхъ и зернышки почти у него подъ ногами; колибри и другія мелкія птички, вертѣлись около него, и мелькая въ солнечномъ лучѣ, гонялись за невидимыми для него мошками; черные и зеленые дятлы, взлѣзая на древесные стволы, на минуту останавливались, чтобы

видѣть, какъ онъ пройдетъ, и потомъ опять продолжали свою работу. Дальше видитъ онъ въ густой травѣ небольшое животное съ зайца величиной, съ острой мордочкой, въ сѣрой шубкѣ съ рыжеватыми пятнышками. Звѣрокъ, сидя на заднихъ лапкахъ, держалъ передними какіе-то плоды и ѣлъ ихъ съ большимъ апетитомъ. Это была агути, съ своими маленькими, которые тутъ-же закусывали вмѣстѣ съ нею. Завидя незнакомаго, они всѣ бросились къ матери, однако скоро успокоились и попрежнему продолжали свой завтракъ.

Дальше видѣлъ онъ цѣлыя стада индѣйскихъ, или заморскихъ свинокъ; видѣлъ броненосцевъ, которые спокойно останавливались и давали ему дорогу; видѣлъ коати, съ ихъ короткими ушами, длиннымъ хвостомъ и подвижной мордочкой.



Это спокойствіе всѣхъ животныхъ все больше и больше увѣряло Селькирка, что онъ на островѣ одинъ, все глубже и глубже чувствовалъ онъ тоску одиночества.

— Однако вчера только, не дальше, я видѣлъ подстрыженыя деревья въ этой рощицѣ!

Сталъ онъ разсматривать рощицу повнимательнѣе и нашелъ, что однѣ только козы такъ тщательно обстрыгали миртовыя деревья, выбирая молодые листочки и свѣжіе отпрыски.

Тогда только совершенное и полное сознаніе его несчастія какъ-будто обрушилось на него съ страшною тяжестью. Такъ онъ выключенъ изъ числа людей, долженъ умереть отъ разныхъ лишеній и отъ голода! О! какъ въ это время онъ ненавидѣлъ Страддлинга!

А тутъ, какъ нарочно, надъ головой у него что-то зашумѣло. Это — обезьяна завозилась въ древесныхъ вѣтвяхъ. Маримонда, съ своей стороны, тоже осматриваетъ островъ и ужъ пробуетъ его произведенія. Была-ли она довольна тѣмъ, что отъискала на деревѣ, или она не умѣла долго помнить обиды; но увидѣвъ товарища далекаго морскаго путешествія, она весело кивнула ему головой и стала спускаться къ нему съ дерева.

Но Маримонда — обезьяна Страддлинга, она жила съ нимъ въ одной каютѣ, она забавляла его. Въ досадѣ на хозяина, въ лихорадочномъ безпокойствѣ о своей участи, не обдумавъ хорошенько, что онъ хочетъ дѣлать, Селькиркъ рѣшился вымѣ-

стить на обезьянѣ свою злость на человѣка.

Онъ приложился и выстрѣлилъ.... Обезьяна видѣла его движеніе, угадала намѣреніе и успѣла до половины спрятаться за стволъ дерева; однако часть заряда попала ей въ бокъ.

Этотъ выстрѣлъ, можетъ быть, первый въ томъ уголкѣ земли съ сотворенія міра, загрохоталъ перекатами изъ эхо въ эхо, до самыхъ вершинъ горъ, и весь островъ отозвался на него болѣзненнымъ стономъ. Чутье сказало всѣмъ животнымъ, что родилась вдругъ страшная опасность.

Птицы подняли нестройный, дикій крикъ; вдали, на горахъ, послышалось безпокойное блеяніе козъ, и въ тоже время послышалось всхлипыванье, похожее на голосъ плачущаго дитяти.

Это Маримонда кричала отъ боли.

Цѣлый день бродилъ Селькиркъ, то надѣясь еще открыть какіе-нибудь признаки людей, то безо всякой мысли, безо всякаго вниманія, съ глухимъ отчаяніемъ посматривая кругомъ.

Къ ночи, опять по вчерашнему утомленный, возвращался онъ къ своему береговому гроту; вдругъ къ его ногамъ упалъ камень, потомъ другой.

Покамѣстъ онъ въ недоумѣніи искалъ глазами: кто-бы могъ въ него бросать? небольшой плодъ пальмы попалъ ему въ щеку. Въ тоже время онъ услышалъ веселый, радостный визгъ и движеніе въ вѣтвяхъ, и примѣтилъ Маримонду, которая перебиралась съ дерева на дерево, работая обѣими ногами, хвостомъ и одною только рукою: другая, съ какою-то жеванною травою, была прижата къ раненому боку.

И вотъ на островѣ ужъ война! У Селькирка есть уже тамъ отъявленный врагъ. А островъ былъ необитаемъ! Онъ исходилъ его по всѣмъ направленіямъ и нигдѣ не нашелъ никакихъ признаковъ человѣка.

Онъ вполнѣ чувствовалъ свое положеніе и не могъ ужъ больше сомнѣваться. Но онъ не совсѣмъ-еще поддавался унынію; по временамъ, онъ гордо подымалъ голову, и глаза его сверкали силой и твердостью: онъ зналъ, что у него достанетъ силы — перенести свое несчастіе.

Онъ осмотрѣлъ свои владѣнія. Островъ былъ неправильной формы, верстъ восемнадцать или двадцать въ длину и верстъ шесть или восемь въ ширину. Островъ его былъ такъ роскошно-живописенъ, что лучшаго жилища, кажется, онъ не могъ-бы себѣ выбрать. Въ горахъ попадались ему, правда, безплодныя, обрывистыя скалы и пропасти; но ими еще лучше оттѣнялись свѣжія, зеленыя долины, ихъ окружавшія. Въ мрачныхъ, непроходимыхъ лѣсахъ, переплетенныхъ ліанами, не попалось ему ни одной лифы.

Повсюду — холодные ключи, которые тамъ пропадаютъ среди густой зелени, здѣсь валятся съ холмовъ пѣной каскадовъ; повсюду роскошная растительность, со всѣхъ сторонъ сочные, освѣжающіе овощи и плоды, отчасти незнакомые, но на видъ, по-крайней-мѣрѣ, вкусные; около береговъ — устрицы и раковины всякаго рода; тутъ-же, на сыромъ пескѣ, открывшемся во время отлива, барахтаются огромные морскіе раки, а въ прозрачныхъ водахъ — большія стада рыбы всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ возможныхъ формъ. Или развѣ дичи ему не хватитъ? Судя по тому, что онъ видѣлъ утромъ, не нужно ему будетъ и ружья! О, надолго достанетъ ему его запаса пороху!

И чего еще желать ему на этомъ великолѣпномъ островѣ? Общества людей? — Но для чего?... Люди бросили его, покинули! И развѣ онъ не съумѣетъ обойтись безъ помощи другихъ? Теперь онъ будетъ зависѣть только отъ себя, никому ни въ чемъ не будетъ онъ обязанъ! Ктому же этотъ островъ не Богъ знаетъ какъ далеко лежитъ отъ твердой земли; отъ времени до времени передъ нимъ будутъ показываться корабли, даже, можетъ быть, лодки. Это будетъ для него только минутнымъ отдыхомъ, а теперь — уединеніе больше не пугаетъ его; онъ принимаетъ его охотно, хоть бы цѣлую жизнь остаться одному.

Онъ былъ морякомъ, и никогда ничего такъ не любилъ, какъ море; а теперь кругомъ, со всѣхъ сторонъ море стережетъ его. Чего же еще желать ему? Онъ совершенно доволенъ судьбой.

Глава II.

Прошло три мѣсяца.

Берегъ, на который былъ высаженъ Сельниркъ, во многомъ измѣнился, и теперь уже не только живописенъ, но и оживленъ: видны слѣды руки человѣка.

Кустарникъ и нѣсколько группъ деревьевъ стѣсняли видъ на ближніе холмы: онъ повыдергалъ кусты и вырубилъ нѣсколько деревьевъ, чтобы лучше любоваться, какъ вьются по лугу его ручьи; къ нимъ ведетъ хорошенькая, плотно утоптанная тропинка; другая ведетъ къ горамъ, что на лѣво; третья останавливается подъ огромной мимозой, которая разрослась зонтикомъ. Подъ нею, на палкахъ, вколоченныхъ въ землю, устроено что-то въ родѣ скамейки; около нея родъ стола и небольшой плетень. Это ученый кабинетъ, мѣсто уединенныхъ размышленій; тамъ

также онъ обѣдаетъ, любуясь моремъ.

Всѣ эти тропинки сходятся около грота, въ которомъ все еще живетъ Селькиркъ. Онъ расширилъ этотъ гротъ и сдѣлалъ его выше, работая топоромъ, чтобы удобнѣе тамъ помѣститься съ своимъ имуществомъ и провизіей. Онъ попробовалъ также сдѣлать подлѣ него, снаружи, нѣкоторыя украшенія: устроилъ дерновую скамью; насажалъ у входа нѣсколько ползучихъ растеній, чтобы прикрыть его каменистую наготу. По обѣимъ сторонамъ его жилища стоятъ двѣ недавно пересаженныя молодыя пальмы. Но природа не всегда слушается человѣка: ліаны и пальмы худо принялись на новой почвѣ, и теперь гибкія вѣтви однихъ и широкіе листья другихъ, полузавядшіе, печально висятъ надъ входомъ въ гротъ.

Но вода ручья недалеко, и Селькиркъ надѣется возвратить имъ жизнь и здоровье. Одинъ изъ ручьевъ ужъ пригодился на устройство рыбнаго садка. Возлѣ самаго ручья вырылъ онъ довольно большую, широкую яму, провелъ въ нее канавки, и его прудъ наполнился; потомъ онъ поставилъ въ этихъ канавкахъ по прочному плетню, и садокъ готовъ: только сажать въ него нечего. Надо было плесть сѣти, ловить рыбу. Съ большимъ трудомъ, изъ нѣсколькихъ нитокъ паруса, изъ кокосовыхъ волоконъ устроилъ онъ сѣть; но, по несчастію, на днѣ ручьевъ были острые камни; сѣть по нимъ проходила, зацѣплялась, рвалась, а красивая и, должно быть, превкусная рыба, опускалась на дно и убѣгала съ невообразимой быстротой. Дѣлать было нечего: пришлось ловить рыбу на удочку, сплюснуть для этого, заострить и согнуть гвоздь. Конечно, была наконецъ и удача, но послѣ большихъ трудовъ, при помощи большаго терпѣнія; къ счастію, морскихъ раковъ можно было брать просто руками, и труды, употребленные на садокъ, не пропали по напрасну.

Сверхъ того, у Селькирка была еще въ запасѣ и возможность охотиться. Но охотничьи подвиги свои онъ началъ великодушіемъ: на островѣ было много дикихъ кошекъ, которыя поѣдали птенцовъ въ гнѣздахъ, таскали молоденькихъ агути, и другую мелкую дичь. Онъ почти совершенно избавилъ свой островъ отъ этихъ разбойниковъ.

Но одни только физическія упражненія — надоѣдали ему. Душа требовала своей доли, своей половины наслажденій и дѣятельности. Вооружась своей подзорной трубой, при помощи морской карты, онъ старался опредѣлить, на какой онъ попалъ островъ? Съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ онъ звѣзды, и нашелъ, что онъ на одномъ изъ острововъ группы Чилое; провѣривъ свое вычисленіе, онъ нашелъ, что онъ —

на островѣ Жуанъ-Фернандецъ, потомъ Св. Амвросія, или Св. Феликса. У него не было большихъ инструментовъ, которыми мож[illegible]ы было совершенно строго опредѣлить мѣсто, и онъ рѣшилъ, что на его островѣ никто еще не бывалъ, что онъ еще не назначенъ на морскихъ картахъ, что это еще земля безъ имени, и далъ ей свое — островъ Селькирка.

Съ большимъ любопытствомъ наблюдалъ онъ и изучалъ привычки и образъ жизни разныхъ животныхъ своего острова. Отъ нечего дѣлать, онъ давалъ названія разнымъ мѣстамъ. Берегъ, на который высадила его шлюбка, онъ назвалъ берегомъ Эспадона; груда бѣлыхъ и красноватыхъ скалъ, видѣнная за туманомъ, была у него Ложный-Коквимбо; лѣсомъ Тукана назвалъ онъ ту рощицу, въ которой видѣлъ въ первый разъ эту мирную птицу. Скалистыя горы, изрѣзанныя оврагами и темными пропастями онъ прозвалъ отвратительнымъ для него именемъ Страдалища. Въ этихъ горахъ есть у него и Оазисъ: маленькая тѣнистая долина съ гремучимъ ключемъ, который оттуда бѣжитъ въ море.

Рыбы въ рѣкахъ, раковъ по берегамъ моря, дичи со всѣхъ сторонъ — множество; но вотъ бѣда: всякій разъ, какъ надо бываетъ развести огонь, чтобы жарить, или варить что-нибудь, это обходится ему ужасно дорого, почти въ цѣлый ружейный зарядъ. Надо было придумать средство подешевле. Нѣсколько дней сряду онъ ѣлъ даже только мариповые орѣхи и другіе кое-какіе плоды. Но при безпрестанномъ движеніи питаться только такими вещами, которыя могли-бы служить развѣ только дессертомъ, вовсе не весело. Пороху еще много, но и времени впереди — Богъ знаетъ сколько! Будь у него сѣра, онъ преспокойно добывалъ-бы огонь искрой. Искалъ онъ сѣры по острову, но не нашелъ; пробовалъ тереть одинъ о другой два куска дерева — выбивался изъ силъ, а огня не было; пробовалъ тереть два куска разныхъ деревьевъ, — куски нагрѣвались только. Наконецъ, совершенно случайно, напалъ онъ на одну ароматическую мирту, на которой ростетъ Ямайскій перецъ. Куски нагрѣлись у него въ рукахъ очень скоро; онъ продолжаетъ тереть, и вотъ легкій, бѣлый дымокъ, отдѣляясь отъ дерева, сначала слѣдуетъ за быстрымъ движеніемъ его дрожащихъ рукъ, и потомъ разлетается въ воздухѣ. Дымъ идетъ гуще, и наконецъ показалось пламя. Торопливо собралъ онъ кое-какихъ вѣтокъ, и вскорѣ запылалъ у него огромный костеръ. Селькиркъ былъ очень доволенъ новымъ открытіемъ, потому что видѣлъ въ немъ сохраненіе своего пороху, по-крайней-мѣрѣ, на одинъ зарядъ въ день.

Хотя дикія козы, какъ и всѣ остальные жители острова, стали очень пугливы, съ тѣхъ поръ, какъ громъ въ рукахъ человѣка настращалъ ихъ, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ узнали, что такое человѣкъ: однако Селькирку удавалось еще подстерегать ихъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Такая дичь была ему полезна не для одной только пищи; изъ ихъ роговъ онъ дѣлалъ себѣ пороховницы и другія необходимыя въ хозяйствѣ мелочи; изъ кожъ онъ дѣлалъ ковры, одѣяла и мѣшки для того, чтобы сохранять въ нихъ провизію отъ сырости. Онъ сшилъ себѣ даже охотничье мѣховое платье, которое носилъ постоянно.

Теперь у него есть все необходимое, есть свободныя минуты, для наблюденій надъ животными и вообще надъ природой; однако на лбу его отчего-то являются морщины, что-то его, какъ-будто мучитъ и томитъ, какъ-будто ему чего-то недостаетъ. Думалъ онъ, думалъ, и наконецъ догадался, что ему, должно быть, недостаетъ табаку, къ которому онъ такъ привыкъ. Вслѣдъ за этою мыслью, онъ былъ ужъ увѣренъ, что когда у него будетъ табакъ, то онъ будетъ совершенно счастливъ. Еслибы Страддлингъ, вмѣсто окорока, положилъ ему порядочный запасъ табаку, то Селькиркъ помирился-бы съ нимъ, простилъ-бы ему все. Что ему въ томъ изобиліи, которое его окружаетъ?

Озабоченный и скучный, бродилъ онъ однажды утромъ по своимъ владѣніямъ, съ ружьемъ на плечѣ, съ ...асива... ...омъ за поясомъ; вдругъ слышитъ онъ, что въ густыхъ вѣтвяхъ что-то надъ нимъ зашевелилось.

Это была Маримонда.

При видѣ своего непріятеля, она проворно перескочила на другое дерево, тамъ на третье, и пропала у него изъ глазъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, онъ увидѣлъ ее снова: сидитъ преспокойно на вѣтви, придерживаясь своимъ цѣпкимъ хвостомъ, и въ обѣихъ переднихъ рукахъ держитъ по какому-то плоду въ жесткой оболочкѣ: постукаетъ эти плоды то одинъ о другой, то о вѣтвь, чтобы разбить ихъ; потомъ, когда это не удается, съ смѣшными ужимками поскоблитъ ихъ зубами, осмотритъ со всѣхъ сторонъ съ сердитымъ видомъ, и снова примется колотить одинъ о другой.

Видъ Маримонды всегда возбуждалъ въ Селькиркѣ сильное негодованіе: она напоминала ему Страддлинга, а теперь онъ находилъ даже, что она очень похожа на своего бывшаго хозяина. Однако онъ остановился и долго смотрѣлъ на нее почти съ участіемъ: ему хотѣлось ужъ топоромъ своимъ помочь ей разгрызть орѣхи.

Уничтожая дикихъ кошекъ на своемъ островѣ, онъ встрѣчалъ ужъ Маримонду на разстояніи ружейнаго выстрѣла, и не разъ спраши-

валъ себя, считать-ли ее въ числѣ вредныхъ животныхъ? Но тогда Маримонда все еще придерживала себѣ одною рукою бокъ, что-б другою — рвала разныя травы, пробовала ихъ, жевала и потомъ прикладывала къ своей ранѣ. Тогда она была такая худая, неповоротливая, шерсть на ней лежала неровно, такъ что Селькирку казалось, будто Маримонда не проживетъ и трехъ дней; а теперь она здорова, бойка, проворна, и ужъ не придерживаетъ раненаго бока.

— Нашла-же себѣ обезьяна, такую траву, которая возвратила ей силы и здоровье; а я, думалъ Селькиркъ, я учился въ одномъ изъ лучшихъ университетовъ Шотландіи, а понапрасну ищу травы, которая могла бы сколько нибудь замѣнить табакъ и сдѣлать меня совершенно счастливымъ! Неужели-же инстинктъ, чутье — выше разума?... Нѣтъ, думать это, значитъ — быть неблагодарнымъ Провидѣнію! Попробую однако послѣдовать примѣру Маримонды: буду искать, пробовать, выбирать, и вѣрно что нибудь найду. Досадно, а дѣлать нечего! Здѣсь выходитъ, что человѣкъ подражаетъ обезьянѣ, тогда какъ должно-бы быть наоборотъ!

Глава III.

Недѣли черезъ двѣ или три послѣ того Селькиркъ отъискалъ себѣ растеніе, довольно близкое къ *никотіанъ*, или табаку. Такъ какъ для него важнѣе всего былъ вкусъ растенія, то онъ пробовалъ листья, кусалъ ихъ, жевалъ, все въ подражаніе обезьянѣ. Но сначала страшная неудача едва не стоила ему жизни: одно изъ пробованныхъ растеній было ядовито. Сперва онъ почувствовалъ только, что ѣдкій сокъ слегка кусаетъ ему языкъ; въ этомъ отношеніи было сходство съ табакомъ, и онъ съ большою радостью продолжалъ жевать листья. Но мало по малу боль во рту стала нестерпима, черезъ нѣсколько минутъ весь ротъ у него распухъ, разболѣлся, горло горѣло; послѣ по всему тѣлу сдѣлалась у него какая-то сыпь, и онъ такъ ослабѣлъ, что съ большимъ трудомъ могъ дотащиться до ручья, чтобы утолить въ немъ жгучую свою жажду.

Съ трепетомъ ждалъ онъ медленной, мучительной смерти; сильная боль смирила его гордость, и, обратясь къ морю, онъ тяжко вздохнулъ. Мысль о родинѣ мелькнула у него въ умѣ, но онъ не хотѣлъ еще сознаться самому себѣ, что человѣку необходимы другіе люди.

Въ нѣсколько дней онъ совсѣмъ поправился и силы его возвратились. Но теперь онъ принялся уже

отъискивать табакъ гораздо осторожнѣе — по запаху, а не по вкусу. Едва не всѣхъ возможныхъ родовъ растеній съ своего острова набралъ онъ, высушилъ, и потомъ понемножку жегъ, чтобы по дыму оцѣнить достоинство листьевъ.

Два растенія взяли наконецъ верхъ по своему ароматическому запаху: *петунія* и *кока*. Изъ смѣси ихъ, съ небольшимъ количествомъ морской воды и толченыхъ миртовыхъ ягодъ, получается довольно хорошій табакъ.

Теперь, едва только Селькиркъ проснется, онъ ужъ куритъ, и не перестаетъ курить за работой, дѣлая скамейку, лѣстницу, корзину, или новую трубку изъ раковины; онъ куритъ во время рыбной ловли, на охотѣ; возвратясь домой, онъ растянется передъ своимъ гротомъ на дерновой скамьѣ, и опять куритъ; послѣ обѣда или завтрака, облокотясь на столъ и ничего не дѣлая, онъ снова куритъ.

Однако, не смотря на новое наслажденіе, котораго онъ такъ добивался, не смотря на то, что у него есть все необходимое, и есть трубка, опять чувствуетъ онъ, что на него порой нападаетъ какое-то темное, неясное безпокойство.

Сначала казалось ему, что это — отъ нездоровья; но онъ по прежнему дѣятеленъ и силенъ; потомъ онъ сталъ думать, что ему вреденъ запахъ слишкомъ пахучихъ деревьевъ; онъ срубилъ вокругъ себя эти деревья, а все по прежнему тяжело на душѣ. Послѣ онъ открылъ, что ему вредна рыба, которую онъ ѣлъ безъ приправы соли, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ весь его окорокъ; онъ отказался отъ рыбы, а все не проходятъ эти припадки мрачной меланхоліи.

Особенно тяжело ему бывало въ то время, когда наступитъ страшная, но очень обыкновенная въ тропическихъ странахъ, затишь во всей природѣ: всѣ птицы молчатъ и не шевелятся, ни изъ одного куста, ни изъ одной норы не слышно ни малѣйшаго шороху, насѣкомыя будто заснули въ закрывшихся цвѣтахъ; листья мимозы свертываются; ни малѣйшее дыханіе вѣтра не шевелитъ вершинами деревьевъ и неподвижное море не бьется о берегъ.

Невозможно выразить, какъ тягостна такая тишина. Тихо все, а между тѣмъ въ ушахъ у человѣка, отъ жару и прилива крови къ головѣ, раздается шумъ и страшный звонъ, будто слышится движеніе небесныхъ свѣтилъ и миріадъ міровъ въ безконечной глубинѣ неба, охватывающаго землю. Мысль путается и изсякаетъ передъ этой страшной, мертвой неподвижностью, и если не къ кому прибѣгнуть, чтобъ разсѣяться, человѣкъ пропадаетъ въ своемъ ничтожествѣ.

Иной разъ Селькиркъ кликалъ самого себя, чтобы разрушить эту тя-

гостную, болѣзненную тишину; онъ говорилъ вслухъ нѣсколько словъ, и ему страшно становилось своего собственнаго голоса, который казался ему необыкновенно громкимъ.

Однажды, во время такой зловѣщей тишины, когда, кажется, будто замерла вся природа, Селькиркъ сидѣлъ на берегу, и тоскливо ждалъ вечерней прохлады; но прохлады не было, наступалъ только мракъ ночи.

Луна не являлась, будто медлила за горизонтомъ; море было тихо, мрачно и гладко, будто замерзло.

Вдругъ, безъ малѣйшаго вѣтра, Селькиркъ видитъ, направо отъ себя, что море на большомъ пространствѣ закипѣло и заволновалось. Онъ видитъ множество лодокъ, которыя бороздятъ поверхность воды. Всѣ онѣ пристаютъ къ берегу въ небольшомъ заливѣ, недалеко отъ мыса Эспадена.

Больше ничего ему не видно, но слышны страшные крики, ревъ и нестройное завыванье.

Все кончено! это дикари Индѣйцы, выгнанные, можетъ быть, европейскими завоевателями. Бѣда ему! не будетъ отъ нихъ ни сожалѣнія, ни пощады! Холодный потъ выступилъ у него на лицѣ; онъ бросился въ свой гротъ, взялъ ружье, захватилъ пороху, пуль, кусокъ козьяго мяса, и цѣлую ночь бродилъ по своимъ лѣсамъ и горамъ, не зная, куда дѣваться. Ему все казалось, что за нимъ гонятся, ему все видѣлись между кустами огненные глаза, которые за нимъ подсматриваютъ.

Съ разсвѣтомъ, какъ можно осторожнѣе, почти все ползкомъ, подкрался онъ къ своему гроту и нашелъ, что весь берегъ покрытъ тюленями.

Эти-то непріятели такъ его перепугали.

Это было въ Февралѣ, во время самыхъ большихъ тропическихъ жаровъ. Въ это время тюлени, съ береговъ Чили и Перу, начинаютъ свои періодическія странствованія; тогда они вступили во владѣніе островомъ, который былъ у нихъ всегдашнимъ мѣстомъ остановки. Но теперь на островѣ есть ужъ хозяинъ.

Думая встрѣтить опасность и неминуемую смерть, Селькиркъ нашелъ себѣ развлеченіе, предметъ для наблюденій и, можетъ быть, хорошую добычу.

Давно ужъ онъ читалъ, въ описаніяхъ путешествій, странные разсказы объ этихъ морскихъ телятахъ, львахъ, морскихъ слонахъ, которые знаютъ и соблюдаютъ свою дисциплину, разставляютъ или, лучше сказать, раскладываютъ часовыхъ и понимаютъ сигналы.

Онъ подмѣчаетъ все, что они дѣлаютъ, съ любопытствомъ разсматриваетъ странныя формы этихъ животныхъ, вполовину четвероногихъ, вполовину рыбъ; ихъ ноги,

будто задѣланныя въ мѣшокъ, съ крючковатыми когтями, при помощи которыхъ они ползаютъ по землѣ; ихъ кожу, покрытую короткою, блестящею шерстью; ихъ голову и круглые глаза...

Онъ смотритъ, какъ они играютъ между собою, борятся; но скоро ихъ ревъ и завыванье надоѣдаютъ ему, и онъ ужъ жалѣетъ о прежней тишинѣ своего уединенія. Но они не только надоѣдаютъ, а прямо ужъ вредятъ ему.

Однажды утромъ Селькиркъ нашелъ, что его садокъ совершенно опустошенъ, что въ немъ не осталось ни одного рака.

Въ страшной досадѣ, онъ объявилъ войну пришельцамъ; три дня онъ за ними подсматриваетъ, преслѣдуетъ ихъ. Десять тюленей падаютъ подъ его пулями, а остальные обращаются въ бѣгство; все тюленье войско, кинувшись въ море, перебралось на другой край острова.

Война была полезна побѣдителю. Изъ шкуръ побѣжденныхъ онъ сдѣлалъ себѣ новую койку, а парусъ могъ употребить на другое; онъ надѣлалъ себѣ также мѣховъ, въ которыхъ сталъ хранить жиръ, вытопленный изъ тѣхъ же тюленей. Тогда онъ могъ устроить себѣ лампаду, которая горѣла день и ночь. Изъ мѣха сшилъ онъ себѣ шляпу съ очень широкими полями, чтобы они защищали его отъ слишкомъ жгучихъ лучей солнца. Пробовалъ онъ ѣсть и мясо тюленье, но оно показалось ему отвратительнымъ; только сердце и языкъ, приправленные ямайскимъ перцомъ, очень хорошо пошли въ дѣло.

Дни, недѣли, мѣсяцы проходили въ тѣхъже самыхъ занятіяхъ, работахъ, а въ минуты отдыха, въ томъже бездѣйствіи. Какъ онъ ни старался отдѣлаться отъ удушливой тоски, которая надъ нимъ тяготѣла, какъ онъ ни старался развлекаться наблюденіями, — ничего не могъ сдѣлать. Только въ то время, когда читалъ Библію, какое-то отрадное чувство его посѣщало, и то не надолго. Бродилъ онъ безъ цѣли по своему острову, вырѣзывалъ на деревьяхъ то число и мѣсяцъ, когда былъ высаженъ съ корабля, вырѣзывалъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ острова имя своего отечества. И послѣ, когда опять случайно приходилъ къ дереву съ надписью, слово: Шотландія — заставляло быстрѣе биться его сердце, какъбудто что-то живое, какъ будто нечаянный откликъ на его безотрадную тоску по отчизнѣ. Онъ начиналъ даже жалѣть о тюленяхъ: когда они жили на его берегу, по крайней мѣрѣ, было, на что смотрѣть, чѣмъ развлекаться; тогда по крайней мѣрѣ что-то жило, шевелилось около него.

Но гордость все-таки не давала ему сознаться, что ему недостаетъ

общества людей; онъ очень упрямо приписывалъ свою тоску тѣлесному нездоровью. Въ такихъ припадкахъ, онъ уходилъ въ горы, и бралъ туда съ собою только Библію, подзорную трубу и трубку.

Онъ любилъ доходить и до своего Оазиса; тамъ онъ садился на краю долины, обращенной къ морю, обнималъ взглядомъ огромное пространство, и проводилъ тамъ цѣлые часы, разсматривая океанъ и каждую его волну.

Нѣтъ! что еще себя обманывать! онъ искалъ паруса, корабля, который присталъ бы къ его острову, вырвалъ бы его изъ этой пустыни. Онъ не скрывалъ ужъ отъ себя, что его тяготитъ уединеніе!

Однажды видитъ онъ, что заходящее солнце освѣтило вдругъ вдали какую-то черную точку; передъ нею волны съ пѣной разбиваются, какъ передъ носомъ корабля; въ глазахъ у него помутилось и онъ весь задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Онъ опять смотритъ;... долго держитъ подзорную трубу, наведенною все на тотъ-же самый предметъ.... но черная точка не движется.

— Опять обманъ! сказалъ онъ самъ себѣ; это отмель, или скала, которая открылась при отливѣ.

Онъ вытеръ стекла трубы, и снова смотритъ; ему стало ужъ казаться, что волны пѣнятся и обходятъ скалу на большомъ пространствѣ.

— Неужели это островъ?... Ежели это островъ, то есть-ли на немъ кто нибудь? — О! я это узнаю... Построю лодку, и, ежели Богъ сжалится надо мною, то я туда доѣду...

Тутъ слышитъ онъ какъ будто человѣческіе шаги на сухихъ листьяхъ, сметенныхъ вѣтромъ въ его маленькую долину. Онъ быстро оглядывается.

Эта Маримонда.

Бѣдная обезьяна ужъ не прыгала, не рѣзвилась; можно было подумать, что и она исхудала и хвораетъ отъ скуки. При видѣ Селькирка, она сдѣлала было движеніе, чтобъ убѣжать; но потомъ опять обернулась, робко сдѣлала нѣсколько шаговъ къ человѣку и, поникнувъ головою, печальная, сѣла на землю, едва смѣя на него смотрѣть.

Неужели она примѣтила, что у человѣка не было оружія?

Селькиркъ давно не встрѣчалъ ея и забылъ свое прежнее отвращеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, ежели подумаешь, то вѣдь это самое умное животное на всемъ островѣ. Онъ вспомнилъ, что на кораблѣ, она повиновалась голосу, даже взгляду капитана, что ея продѣлки смѣшили весь экипажъ. Это сходство съ человѣкомъ, которое прежде казалось ему отвратительнымъ, теперь возбуждаетъ въ немъ снисходительность и мирныя мысли. Онъ обвиняетъ себя въ томъ, что такъ грубо и жестоко обошелся съ ней въ то время, какъ бѣдное животное, раздѣлявшее съ

нимъ изгнаніе, привѣтствовало его ласкою. И теперь оно возвращается безъ гнѣва, даже забывая полученную рану. Онъ дружески кивнулъ Маримондѣ головой.

Въ отвѣтъ на это, она заморгала глазами, вся зашевелилась, однако не приближалась къ нему. Селькиркъ нашелъ, что ея движеніе было даже нѣсколько граціозно и сталъ къ ней подходить.

Щелкая зубами и губами, она ждетъ его, пошевеливаясь на одномъ мѣстѣ.

Селькиркъ провелъ ей рукою по лбу, по шеѣ, нѣсколько разъ называлъ ее по имени и потомъ пошелъ домой. Маримонда, весело попрыгивая, пошла за нимъ.

Человѣкъ и обезьяна помирились. Обоихъ давно утомило уединеніе.

Глава IV.

Нашъ бѣдный островитянинъ сталъ теперь спокойнѣе духомъ; его задумчивость ужъ не такъ угрюма, какъ бывала прежде.

Прогулки по лѣсу, отдыхъ во время удушливаго полуденнаго зноя — ему сноснѣе съ тѣхъ поръ, какъ съ нимъ есть что-то другое, не одна его тѣнь; онъ началъ охотнѣе работать съ тѣхъ поръ, какъ кто-то смотритъ на его работу; даже говорить онъ сталъ гораздо больше прежняго, потому что теперь есть хоть какой-нибудь отвѣтъ на его голосъ.

Маримонда стала теперь товарищемъ Селькирка, его другомъ, его слугой; она какъ-будто понимаетъ его знаки, даже его скуку. Чтобы развлечь его, она поднимается на разныя продѣлки; она бѣгаетъ, скачетъ, перепрыгиваетъ съ дерева на дерево, и выбивается изъ силъ, чтобы шумѣть около своего хозяина за десятерыхъ; она подаетъ ему трубки, качаетъ его въ койкѣ, и за всѣ свои старанія и заботы требуетъ только ласки: И Селькиркъ въ самомъ дѣлѣ ласкаетъ и любитъ ее.

Часто она присутствуетъ при обѣдѣ своего господина, иной разъ даже вмѣстѣ съ нимъ обѣдаетъ; сначала это позволялось только изъ снисхожденія Селькирка, а потомъ обратилось въ привычку. Обѣды эти бываютъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ, подъ мимозой. Обезьяна, скорчившись, сидитъ на одной скамьѣ съ человѣкомъ, готовая по первому знаку подавать на столъ все, что ей вздумается. Она ужъ полюбила теперь мясо козъ, кошки и агути; этого рода обезьяны, сказажу, легко привыкаютъ ѣсть мясо; но на столѣ является иногда и ея собственная добыча. Если нѣтъ десерта, въ одно мгновеніе она вска-



Маримонда прислуживаетъ Селькирку.

кивает и пропадает въ сосѣднемъ лѣсу; черезъ нѣсколько минутъ, она возвращается съ плодами, которые ужъ смѣло можно ѣсть: она въ этомъ лучше другаго знаетъ толкъ.

Приближалась зима, то есть время дождей, которые бываютъ въ тѣхъ мѣстахъ въ Іюнѣ и въ Іюлѣ. Селькиркъ рѣшился уступить своему товарищу свой гротъ, а себѣ построить другое жилище, попросторнѣе и поудобнѣе.

Недалеко отъ грота, на берегу ручья, была группа зелени, надъ которой красиво поднимались пять высокихъ миртъ. Стволы этихъ деревьевъ были довольно прочны, чтобы сдержать стѣны будущаго дома; четыре мирты стояли четыреугольникомъ, а пятая — почти въ срединѣ между ними, очень хорошо могла служить для того, чтобъ утвердить на ней крышу. Селькиркъ выдергалъ и вырубилъ кустарники, очистилъ деревья отъ нижнихъ вѣтвей и весело принялся за работу. Недѣли въ двѣ успѣлъ онъ устроить прочный плетень, обмазалъ его глиной съ пескомъ, приладилъ крышу и былъ чрезвычайно доволенъ своей работой. Онъ ужъ началъ удивляться, какъ могъ такъ долго жить подъ сводомъ своего мрачнаго грота, какъ могъ быть доволенъ своимъ прежнимъ жилищемъ, которое годно развѣ только для обезьяны.

Внутренность его дома мало-помалу становится похожею на жилое мѣсто: ружья, топоры, подзорная труба, ножъ, все это вычищено, и блеститъ, развѣшенное на стѣнѣ; другая стѣна украшена полнымъ собраніемъ его трубокъ; на средней миртѣ виситъ пороховой рогъ, мѣшокъ съ табакомъ и разныя другія вещи, которыя всегда должны быть подъ руками. Свой котелъ, козье мясо, запасныя кожи, тюленій жиръ, боченокъ съ порохомъ оставилъ онъ въ гротѣ, подъ надзоромъ Маримонды; тамъ будетъ у него магазинъ и кухня, да все-же и отъ дождя тамъ безопаснѣе.

До сихъ поръ, столъ у него былъ неподвижный, подъ мимозой; теперь онъ ужъ обдумываетъ, какъ-бы устроить другой, поудобнѣе, въ своей хижинѣ. Тамъ-же у него будетъ двѣ скамьи, одна для него, другая для Маримонды, чтобы ей сидѣть, когда она придетъ навѣстить его по сосѣдству. Теперь ужъ у него есть и сосѣдство.

Начались первые, не очень сильные, благотворные дожди; земля пила ихъ съ любовью. Но Селькиркъ забылъ о столѣ и скамейкахъ: теперь его занимаетъ другая мысль.

Какъ-то Маримонда, послѣ прогулки въ лѣсу, принесла разныхъ плодовъ, изъ которыхъ многіе до тѣхъ поръ были ему вовсе незнакомы. Онъ попробовалъ ихъ съ особеннымъ вниманіемъ, и призадумался. — Почему, говорилъ онъ самъ себѣ, не выростить-бы мнѣ этихъ

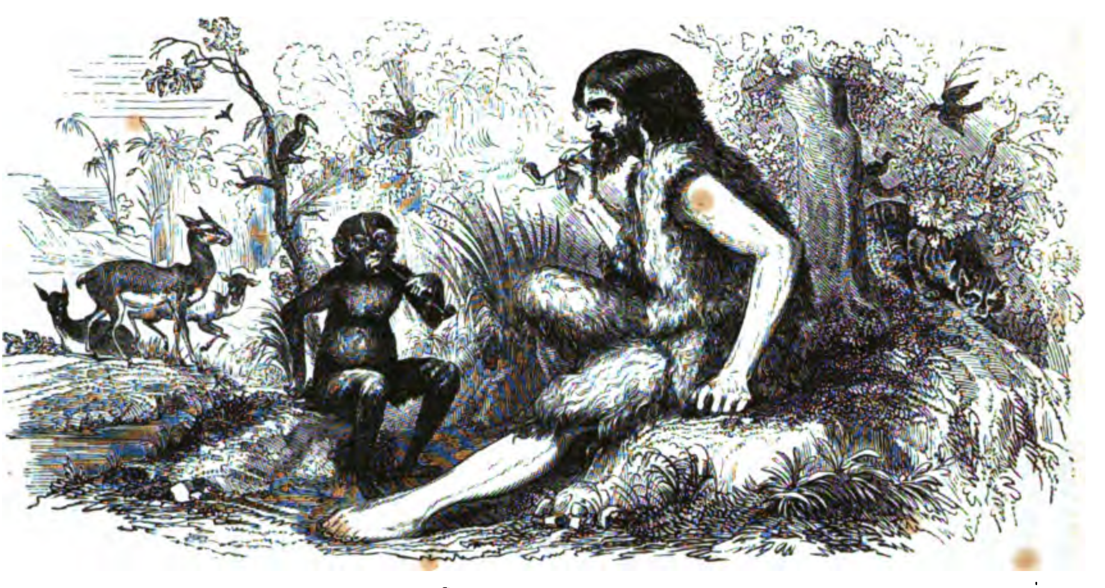
плодовъ здѣсь, подъ рукою, по ближе къ дому? Почему-бы мнѣ не попробовать улучшить ихъ, усовершенствовать обработкой? Это очень простая и очень умная мысль: странно, что она не пришла мнѣ раньше въ голову; но я былъ одинъ, совершенно одинъ.... а тогда мало о себѣ думаешь, да просто и думать не умѣешь. Садъ и въ тоже время огородъ будетъ мнѣ точно такъ-же выгоденъ, какъ садокъ; я разведу его около дома, и какъ тогда все будетъ мило у меня! Какъ нарочно здѣсь у меня и ручей для поливки. Послѣ, при Божіей помощи, я стану воспитывать маленькихъ козъ и козлятъ, которые выростутъ у меня, станутъ мнѣ давать молоко, масло, сыръ! Какъ же я раньше объ этомъ не подумалъ! Непремѣнно будутъ у меня домашнія козы, разведу агути, заморскихъ свинокъ, коати.... Домъ мой увеличится, будетъ цѣлая ферма!... Но теперь еще рано, подумаемъ прежде о моемъ садѣ.... Эта земля сдѣлается плодородною отъ моихъ трудовъ; я буду прогуливаться подъ тѣнью деревъ, насаженныхъ моими собственными руками; тогда я буду, кажется, гораздо больше дома, нежели теперь, тогда у меня будетъ что-нибудь свое, собственное!..

Отъ первыхъ дождей земля стала довольно мягка, такъ что было легко ее копать.

И вотъ онъ работаетъ изо всѣхъ силъ, то топоромъ, то деревянной лопатой, вычищаетъ, роется, выравниваетъ, пересаживаетъ отпрыски молодыхъ деревьевъ, или отдаетъ землѣ сѣмена уже собранныхъ плодовъ, изъ которыхъ пойдутъ новыя растенія. Въ томъ климатѣ все ростетъ необыкновенно быстро.

Когда садъ былъ ужъ разбитъ, проложены дорожки, земля взрыта, насажены разныя полезныя травы, особенно *кока* и *петунія-никотіана*, Селькиркъ, сложа руки и облокотясь на лопату, отъ всей души благодарилъ Бога за то, что Онъ далъ ему силы кончить начатое дѣло.

Ни разу еще въ жизни не чувствовалъ онъ такого удовольствія, какъ въ то время, когда, заложа руки за спину и покуривая свою трубку, онъ прохаживался по дорожкамъ, между черными грядами и клумбами, на которыхъ ничто еще не показывалось; но ему ужъ видѣлись или воображались кустарники, покрытые цвѣтами; около его цвѣтовъ видѣлись пчелы, цѣлыми роями, и онъ ужъ обдумывалъ, какъ-бы устроить нѣсколько ульевъ. Послѣ пчелъ, представлялись уже и легонькіе рои колибри: съ нихъ онъ не бралъ-бы ничего, кромѣ удовольствія видѣть, какъ на листьяхъ его кустарниковъ, на шелковыхъ нитяхъ, будутъ привѣшены маленькія гнѣздышки съ яичками меньше горошинка, или съ птенцами меньше мухи. Онъ не зналъ





Селькиркъ мечтаетъ.

ничего лучше, ничего занимательнѣе своего будущаго сада.

Благодаря этому саду, Селькиркъ довольно терпѣливо сноситъ дождливую пору года. Когда отъ проливныхъ дождей нѣтъ нигдѣ проходу и нельзя ни шагу сдѣлать изъ дому, онъ утѣшается мыслью, что дожди помогаютъ проростать его сѣменамъ, приниматься молодымъ пересаженнымъ отпрыскамъ. Между двумя ливнями, онъ едва только успѣваетъ выбраться изъ дому, чтобы застрѣлить себѣ какой нибудь дичи. Да что за бѣда! У него есть еще коекакіе запасы; у него хорошій домъ, есть общество и есть работа.

Тогда онъ принялся пополнять свою мебель; сдѣлалъ столъ, двѣ скамьи, починилъ кровать; потомъ занялся другимъ дѣломъ, не менѣе важнымъ.

Отъ времени, ходьбы и работы платье его износилось; а надо защититься отъ сырости и отъ мустиковъ, которые сильно расплодились съ тѣхъ поръ, какъ наступила дождливая пора. Онъ рѣшился сшить себѣ новое платье. Изъ гвоздя сдѣлалъ же онъ себѣ удочку, отчего-же не сдѣлать и иглы? Но изъ чего шить? Изъ тюленьей шкуры, или изъ козьей? Онъ предпочелъ козью, потому что она гораздо мягче; и вотъ онъ рѣжетъ, кроитъ, выдергиваетъ нитки изъ паруса, шьетъ, и черезъ недѣлю, онъ одѣтъ ужъ совершенно заново.

Маримонда удивилась и обрадовалась, увидѣвъ своего хозяина въ новомъ, странномъ костюмѣ. Она находила, что человѣкъ сталъ очень похожъ на нее, одѣтый, какъ она-же, шерстью вверхъ. Она смотритъ на него, разсматриваетъ, гладитъ его, вертится, прыгаетъ, скачетъ, совершенно въ восторгѣ; то катается у него подъ ногами, то взберется какъ можно выше по средней миртѣ, подъ самую крышу, и оттуда со страхомъ и безпокойствомъ смотритъ на человѣка. Уставъ наконецъ удивляться, она забилась въ уголъ, лицемъ къ стѣнѣ, и простояла такъ нѣсколько минутъ, какъ будто что-то обдумывала. Потомъ, надумавшись, она проворно обернулась и однимъ прыжкомъ вскочила Селькирку прямо на плеча.

Полюбовавшись на удивленіе и веселое расположеніе духа обезьяны, Селькиркъ взялъ свою Библію, трубку, и, положа книгу на столъ, облокотился на него, располагаясь почитать и подумать. Но Маримонда была слишкомъ весела, или можетъ быть, она стала смѣлѣе съ тѣхъ поръ, какъ почувствовала какое-то родство съ человѣкомъ по костюму; только она схватила другую трубку, важно взяла ее въ зубы, помѣстилась противъ своего господина и, склоня голову, также облокотилась на столъ; но ей опять удивительно было, что дымъ нейдетъ изо рта.

Дѣло пошло ужъ на забавы;

Селькиркъ взялъ у нея трубку, набилъ ее табакомъ, зажегъ, и отдалъ.

Едва только Маримонда втянула въ себя нѣсколько вреднаго табачнаго дыму, какъ бросила трубку, закашлялась, бѣдная, во все горло, оттолкнула отъ себя столъ, опрокинулась назадъ и, все кашляя, жалобно завыла.

Увидя первую отчаянную гримасу Маримонды, Селькиркъ расхохотался, и болтливое эхо повторило его хохотъ въ гротѣ, въ оазисѣ и даже на крайнихъ вершинахъ горъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ на островъ, это былъ его первый смѣхъ, да и тотъ не радостный, не веселый; въ основанiи его было что-то злое.

А между тѣмъ, готовилось ему новое несчастiе, новая война, въ которой ничего ужъ не могло сдѣлать его оружiе.

Глава V.

На другой день, солнце только-что начинало вставать и Селькиркъ еще спалъ, убаюканный однообразнымъ стукомъ проливнаго дождя, какъ вдругъ почувствовалъ, что ногу его что-то щекочетъ. Ему показалось сначала, что это какая нибудь ласка, или шутка Маримонды; въ просонкахъ, онъ открылъ глаза, взглянулъ, ничего не видалъ, и снова улегся, чтобы еще поспать. Слышитъ опять щекотанье, и ужъ не такое нѣжное, какъ прежде, и вдругъ что-то острое сильно укололо его въ пятку. Щекотанье обратилось просто въ укушенiе.

На этотъ разъ онъ проснулся вполнѣ, вскочилъ.... Вся хижина его наполнена крысами!

Около него цѣлое стадо спокойно завтракаетъ его одѣялами; на столѣ, на скамейкахъ — цѣлыя стаи доѣдаютъ остатки вчерашняго ужина; другiя что-то гложутъ около стѣнъ, около средней мирты; множество ихъ толпится у дверей, на полкахъ, вездѣ, гдѣ только можно, и всѣ онѣ кусаютъ, грызутъ, ѣдятъ все, что можно: его шляпу изъ тюленьей кожи, его мѣшокъ съ табакомъ, украшенiя изъ древесной коры на его мебели, чубуки его трубокъ, Библiю и даже его пороховой рожокъ, сдѣланный изъ козьяго рога.

Селькиркъ спрыгнулъ съ кровати и прямо, тутъ-же, раздавилъ ногами пару крысъ. Остальныя съ визгомъ кинулись бѣжать и прыгать одна за другой, одна черезъ другую, одна мимо другой, въ двери.

Схвативъ лопату, онъ бросился за ними, билъ ихъ направо и налѣво,

бранилъ, и вдругъ увидѣлъ на вѣтви ближняго дерева Маримонду. Она съежилась, скорчилась, намокла, продрогла; видно было, что она не спала цѣлую ночь. Но отчего-же? Ужъ не помнитъ-ли она вчерашней шутки.

Завидя человѣка, Маримонда соскочила съ дерева и, печально ласкаясь къ нему, со страхомъ посматривала на гротъ. Онъ — туда.

Въ гротѣ все было въ страшномъ безпорядкѣ, вверхъ дномъ; крысы возились тамъ тысячами; его мѣха, его запасы дичи и плодовъ, его мѣшки съ тюленьимъ жиромъ, все было изгрызено, изорвано, поѣдено, наводнено. Расширяя свой гротъ, онъ сдѣлалъ его и выше. Сводъ сталъ тонокъ, потоки дождевой воды просочились сквозь него, продѣлали себѣ широкія отверстія и залили всѣ запасы. Къ довершенію несчастія, шкуры, въ которыя былъ завернутъ его запасной порохъ, были проѣдены, порохъ размокъ, расплылся и плавалъ посреди маслянистой грязи.

У бѣднаго островитянина, на всю его жизнь, осталось нѣсколько пороху въ его козьемъ рогѣ, да два заряда въ ружьяхъ. А нужна будетъ провизія, надо ѣсть.

Теперь онъ разорился въ конецъ, и все отъ дождя, который проникъ глубоко въ землю и выгналъ крысъ изъ ихъ норъ. Противъ такого множества непріятелей — что было дѣлать?

Многихъ успѣлъ онъ перебить лопатой, палкой, камнями, ногами, чѣмъ попало; Маримонда, въ подражаніе ему, неутомимо преслѣдовала общаго непріятеля; но не больше, какъ черезъ часъ, крысы опять толпились вокругъ нихъ еще ожесточеннѣе прежняго.

Тогда онъ понялъ, что не надо было убивать всѣхъ кошекъ на островѣ, что лишняго нѣтъ ничего въ природѣ. Но неужели онъ истребилъ всѣхъ ихъ до одной? Можетъ быть, въ дальнихъ краяхъ его острова, куда удалились тюлени, есть еще эти благодѣтельные звѣри, которыхъ онъ такъ неутомимо избивалъ?

Дожди прекратились; съ ними прошла удушливая жара, прошли и густые туманы, отъ которыхъ скучно становится, и нападаетъ безотчетная грусть; солнце, хотя еще въ туманѣ, начинало высушивать остатки наводненія. Много опять сталъ бродить Селькиркъ, долго искалъ, въ самой непроходимой чащѣ, въ самыхъ недоступныхъ ущельяхъ, нѣтъ-ли гдѣ кошки? Все напрасно.

Вотъ, однажды идетъ онъ, вмѣстѣ съ Маримондой, по лѣсу, мимо такого кустарника, сквозь который нѣтъ, кажется, ни малѣйшей возможности продраться. Вдругъ слышитъ очаровательные, нѣжные звуки, какихъ, кажется, ни разу не слыхивалъ; онъ, въ восторгѣ, быстро

остановился, потому что услышалъ нѣжное, тихое мяуканье.

Осторожно раздвигаетъ кусты, всматривается.... выскакиваетъ дикая кошка и мигомъ взбирается на ближнее дерево, красный кедръ. Съ большою любовью сталъ ее разсматривать Селькиркъ. Она была изъ крупной породы; полосатая шкурка ея блестѣла на солнцѣ; обернувъ къ нему свою бѣловато-желтую мордочку, съ большими черными усами, она со страхомъ, непріязненно смотрѣла на человѣка: должно быть онъ былъ извѣстенъ на цѣломъ островѣ, какъ заклятый врагъ всѣхъ животныхъ.

Не думая долго, Селькиркъ бросилъ ружье, охватилъ дерево руками и ногами, и полѣзъ. Скоро добрался онъ до первыхъ вѣтвей; Маримонда за нимъ, и скоро перегнала его. При видѣ двухъ косматыхъ непріятелей, кошка забирается все выше и выше, обезьяна за нею, съ вѣтви на вѣтвь, до самой вершины. Кошка пятилась, пятилась, и наконецъ жестоко царапнула Маримонду, которая тотчасъ и отказалась отъ опасной игры.

Селькиркъ, однакоже, не унывалъ; ему нужна эта кошка, и непремѣнно живая; онъ сдѣлаетъ ее сторожемъ своей хижины, она будетъ защищать его отъ крысъ. Раза три онъ схватывалъ кошку, и всякій разъ, съ бѣшенствомъ отбиваясь, она царапала ему то руку, то лице. На вершинѣ дерева происходила жестокая, кровавая борьба, съ фырканьемъ и мяуканьемъ. Наконецъ Селькиркъ, въ жару борьбы, забылъ свою цѣль, и такъ сильно схватилъ кошку за шею, что едва не задавилъ. Трудность теперь въ томъ, чтобы съ добычей спуститься съ дерева. Къ счастію, у него была охотничья сума. Одною рукою и локтемъ прижалъ онъ кошку къ вѣтви, другою только-что раскрылъ было суму, какъ вдругъ бѣдное, полузадавленное животное, собравъ послѣдніе силы, рванулось и упало съ кедра. Кошка свалилась прямо къ ногамъ Маримонды, которая, въ страшномъ испугѣ отскочила въ кусты и пропала.

Селькиркъ торопливо спустился на землю, но непріятеля уже не было. Напрасно искалъ онъ его глазами въ кустахъ, онъ не видалъ ничего, ни даже Маримонды.

Дѣлать нечего; онъ пошелъ дальше. Черезъ полчаса, не доходя шаговъ двѣсти до Ложнаго-Коквимбо, онъ увидѣлъ тамъ свою обезьяну; она сидѣла на скалѣ и внимательно, съ своими смѣшными ужимками, смотрѣла внизъ.

Онъ подошелъ, и что же?.... Въ довольно глубокой лощинкѣ, утомленная борьбой и бѣгствомъ, лежитъ кошка, выглаживая языкомъ шерсть на своемъ измятомъ боку, а возлѣ нея — шесть бойкихъ, маленькихъ котятъ возятся на пескѣ.

Снова заслышавъ человѣка такъ близко къ своимъ котятамъ, мать ощетинилась, фыркнула и котята присмирѣли, поглядывая съ любопытствомъ другъ на друга.

Но человѣку теперь она ужъ не нужна была живая. Котятъ онъ забралъ, а мать зарѣзалъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того, крысы не показывались больше на берегу; но не было ужъ никакой возможности поправить то зло, которое онѣ сдѣлали.

Запасы пищи почти совершенно уничтожены, а тѣмъ порохомъ, который у него остался, едва можно было настрѣлять дичи для новыхъ запасовъ. А послѣ какъ-же быть?

Мало-по-малу пришло наконецъ время, когда у него остался только одинъ зарядъ въ ружьѣ, да и тотъ былъ набранъ почти по зернышку. Какъ же онъ бережетъ теперь этотъ послѣдній зарядъ! Какъ онъ лишаетъ себя необходимаго, козьяго мяса, чтобы только не остаться совершенно обезоруженнымъ; покамѣстъ у него есть еще въ запасѣ выстрѣлъ, онъ еще можетъ считать себя сильнымъ, вооруженнымъ. Да и кто знаетъ? Можетъ быть его запасный зарядъ пригодится для того, чтобы спасти ему жизнь въ какую-нибудь страшную минуту?

Теперь не время ему думать объ охотѣ; пора покинуть жизнь дикаря-охотника и перейти къ жизни осѣдлой, первой ступени образованности, заняться земледѣліемъ, скотоводствомъ.

Въ его колоніи ужъ есть теперь пять новыхъ жильцовъ, котятъ; посѣвы его ужъ начинаютъ показываться изъ земли, и много обѣщаютъ: пересаженные кусты укрѣпились корнями и принялись превосходно; ужъ новыя почки обѣщаютъ плоды, и онъ съ любовью разсматриваетъ ихъ. Теперь ему надо, какъ нибудь, достать себѣ нѣсколько молоденькихъ дикихъ козлятъ, родоначальниковъ его будущаго стада.

Но сколько-же надо будетъ на это ловкости, терпѣнія, проворства и хитрости!

Охотясь въ послѣднее время, онъ загналъ всѣхъ козъ и козлятъ въ самыя гористыя части острова, на крутизны и обрывы. Какъ ихъ тамъ преслѣдовать? Коза перепрыгнетъ черезъ пропасть въ одно мгновеніе, а ему надо будетъ обходить туже самую пропасть цѣлые полчаса.

Онъ надѣлалъ разныхъ ловушекъ, разложилъ въ разныхъ мѣстахъ петли; но животныя сдѣлались удивительно недовѣрчивы и осторожны. Долго ждалъ онъ, и въ недѣлю успѣлъ поймать только одного коати, и нѣсколько Индѣйскихъ свинокъ. Конечно, и это дичь, и это ѣсть можно, но ему этого мало, ему хочется большаго, а козлята не попадаются въ его ловушки.

Тогда онъ вспомнилъ объ арканѣ,

или ласо, которое употребляется въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки. Ласо, это — длинная веревка съ петлей, которая набрасывается на добычу.

Изъ волоконъ алоэ и изъ тонкихъ полосокъ кожи онъ устроилъ себѣ арканъ, саженъ въ шесть, или въ семь длиной, и началъ упражняться въ метаніи его; онъ набрасывалъ свое ласо то на камень, то на вѣтку кустарника; потомъ онъ выбралъ цѣлью Маримонду; но она была такъ ловка и проворна, что ему большихъ трудовъ стоило — поймать ее.

Въ промежуткахъ между упражненіями, онъ строилъ большую ограду, которая будетъ служить ему скотнымъ дворомъ. Въ одномъ углу ограды онъ выстроилъ на прочныхъ столбахъ навѣсъ, подъ которымъ стадо его будетъ прятаться отъ солнечнаго зноя. И навѣсъ этотъ, и ограда, и садъ, и хижина — теперь все это такъ мило, такъ уютно. Что ему за дѣло, что весь островъ принадлежитъ ему вполнѣ, нераздѣльно? Это ровно ничто! Это все равно, какъ еслибъ онъ имѣлъ позволеніе на всемъ островѣ охотиться и гулять, какъ всякое другое животное. А здѣсь онъ у себя, дома, здѣсь все, можно сказать, создано его руками и умомъ.

Когда козлята его выростутъ и сдѣлаются козами, когда они привыкнутъ къ домашней жизни, будутъ узнавать его голосъ и слушаться его, тогда только онъ позволитъ имъ выйти за ограду, подъ надзоромъ самаго бдительнаго сторожа, Маримонды.

Мечты все это, и больше ничего! Да что же дѣлать, чѣмъ же развлекаться бѣдному пустыннику, какъ не мечтами?

Когда Селькиркъ сталъ считать, что онъ ужь довольно ловко владѣетъ арканомъ, онъ пошелъ въ горы, лежавшія въ срединѣ острова. Много дней прошло въ безполезныхъ попыткахъ, и когда листики мимозы, съеживаясь, возвѣщали ему, что ночь не далеко, онъ возвращался домой мрачный, угрюмый, задумчивый, безъ всякой надежды.

Но посреди неудачь-то именно онъ и учился, и дошелъ наконецъ до того, что пришелъ однажды вечеромъ домой съ двумя козлятами, у которыхъ только начинали пробиваться рожки. Маримонда благосклонно приняла новыхъ гостей, и въ тотъ вечеръ въ колоніи было очень весело.

Недѣли еще не прошло, какъ у Селькирка стало козъ больше, нежели попенъ; онъ съ наслажденіемъ любуется, какъ они играютъ и прыгаютъ всѣ вмѣстѣ въ своей оградѣ; онъ опять сталъ совершенно спокоенъ духомъ.

— Да, сказалъ онъ самому себѣ съ гордостью; человѣкъ можетъ

во многомъ пособить себѣ! Случилось со мною несчастіе: пропалъ весь порохъ; а теперь зачѣмъ мнѣ его? Этотъ Страддлингъ разсчитывалъ, что я долженъ буду умереть послѣ моего послѣдняго заряда; а теперь этотъ послѣдній зарядъ у меня еще въ ружьѣ. И зачѣмъ мнѣ его? Теперь я богаче прежняго, потому что у меня больше средствъ къ жизни. И чего же мнѣ теперь недостаетъ? Общества какого нибудь Страддлинга, или его матросовъ? Но Маримонда любитъ меня больше, нежели сколько любили товарищи. Чего же мнѣ желать еще? Лишь-бы далъ Богъ здоровья....

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, Селькиркъ, очень внимательно отмѣчавшій на поляхъ своей Библіи дни, мѣсяцы и числа, рѣшился праздновать Новый Годъ. наступило 1 Января 1706 года.

Въ тотъ день, онъ обѣдалъ не въ хижинѣ своей и не подъ мимозой, а посреди ограды, окруженный всѣми своими. Маримонда, по обыкновенію, обѣдала съ нимъ за однимъ столомъ, кошки почти также; коз-



Селькиркъ въ семействѣ.

лята бродили около него, иногда поднимаясь на заднія ноги, чтобы взглянуть на столъ, въ корзины, наполненныя разными плодами, и потомъ, спустившись, пощипывали траву и играли между собой. Послѣ обѣда было большое веселье; остатки изо всѣхъ корзинъ были выброшены на землю, и тутъ конца не было прыжкамъ и скачкамъ, когда козлята принялись наперерывъ хватать, что кому попадалось.

Лежа на своей койкѣ и покуривая свой лучшій табакъ, Селькиркъ, съ

самодовольной улыбкой, смотрѣлъ на игры своихъ домашнихъ; какъ хозяинъ у себя въ домѣ, почти съ чувствомъ отца семейства онъ любовался на котятъ, которые, спрятавъ когти, какъ будто царапались, на Маримонду, которая заигрывала и съ козлятами, и съ кошками, прыгала вправо и влѣво, перескакивала черезъ огромныя пространства съ невообразимою ловкостью. Забравшись на самую вершину густаго дерева, она свистомъ привлекала къ себѣ вниманіе своего хозяина, и потомъ, свернувшись клубкомъ, скатывалась по листьямъ и вѣтвямъ, и за послѣднюю только вѣтку хваталась своимъ цѣпкимъ хвостомъ. Тамъ, раскачавшись хорошенько, она перелетала шаговъ за пятьдесятъ, на ліану, которая тутъ-же служила ей качелями.

Селькиркъ былъ въ восторгѣ, любуясь на забавы своей семьи; кажется, никогда онъ не бывалъ такъ счастливъ. Но вдругъ лобъ его сильно нахмурился, потому что его взглядъ какъ-то случайно перенесся на море. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ онъ въ туже сторону съ безпокойствомъ и волненіемъ, потомъ радостно вскрикнулъ, бѣгомъ кинулся на берегъ и тамъ сталъ кричать изо всѣхъ силъ.

Онъ увидѣлъ парусъ въ голубой дали.

Но скоро онъ замѣтилъ, что до паруса — нѣсколько десятковъ верстъ; тогда, схвативъ свою подзорную трубу, среди волнъ ищетъ онъ паруса и находитъ его. — Конечно, это лодка, сказалъ онъ самъ себѣ; лодка съ ближняго острова, или съ материка, который недалеко.... Нѣтъ, вотъ мачта, вотъ другая.... И всѣ паруса такъ славно надулись подъ восточнымъ вѣтромъ.... Это брикъ! да, это Эспадонъ, можетъ быть.... Страддлингъ нарочно промедлилъ въ этихъ краяхъ, и мое изгнаніе должно кончиться. Онъ за мной теперь заѣдетъ.... О, добрый, благородный Страддлингъ!...

Вотъ брикъ повернулъ какъ-будто прямо къ острову, сдѣлалъ еще два поворота, такъ что Селькиркъ увидѣлъ наконецъ очень ясно испанскій флагъ.

— Непріятель! вскричалъ онъ; бѣда! я пропалъ. Ежели онъ пристанетъ сюда, куда дѣваться? Куда бѣжать? Въ горы? Да, я съумѣю отъ нихъ спрятаться; но они разрушатъ мой домикъ, разорятъ мою ограду, мой садъ....

И, весь дрожа, какъ-будто въ лихорадкѣ, онъ продолжалъ слѣдить за всѣми движеніями брика. Но корабль сдѣлалъ еще два, три поворота, какъ-будто выбирая вѣтеръ, и быстро помчался вдаль, въ море.

У Селькирка руки опустились. — Чтожъ за бѣда, подумалъ онъ, что это Испанцы? Развѣ теперь я могу быть имъ врагомъ?... Я просто бѣдный, пропавшій колонистъ.... Они

помогутъ мнѣ, спасутъ меня, какъ христіанина.... Я, пожалуй, буду у нихъ матросомъ.... Чтожъ они уѣзжаютъ?...

Надо было, какъ можно скорѣе, развести большой огонь; но изъ чего? На одно мгновеніе, второпяхъ, мелькнула у него мысль повыдергать всю свою ограду, свалить ее къ своему домику и зажечь все вмѣстѣ: такъ хотѣлось ему избавиться отъ своего уединенія, не смотря на то, что за нѣсколько минутъ онъ старался увѣрить себя, что счастье для него возможно.

Скоро однакожъ онъ вспомнилъ, что за его гротомъ, на первой ступени горы, росъ необыкновенно частый лѣсокъ; тамъ старыя высохшія деревья были тѣсно переплетены гибкими ліанами, а ближе къ землѣ, кактусъ, алоэ и другіе кустарники дѣлали этотъ лѣсокъ совершенно непроходимымъ.

Туда онъ перенесъ горящую головню отъ того костра, на которомъ готовилъ свой обѣдъ, набросалъ туда коры, сухихъ вѣтвей, листьевъ. Мало-по-малу огонь разбѣжался отъ головни во всѣ стороны, и когда солнце закатилось, огромный, пламенный столбъ освѣщалъ всю ту часть острова и блестѣлъ далеко на волнахъ.

Стоя на берегу, Селькиркъ цѣлую ночь не сводилъ глазъ съ волнъ, и все прислушивался, нѣтъ-ли какого-нибудь знакомаго звука со стороны моря, не слыхать-ли голоса команды на кораблѣ, или стука веселъ въ уключинахъ приближавшейся лодки; но онъ ничего не видалъ на блестящихъ, сверкающихъ волнахъ, а сквозь ихъ всплески онъ слышалъ только трескъ горѣвшихъ деревьевъ и крутившихся въ огнѣ ліанъ.

По утру, все изчезло. Пожаръ прекратился, а на гладкой поверхности моря ничего не было видно, кромѣ чаекъ.

Цѣлую недѣлю послѣ того, Селькиркъ былъ мраченъ и задумчивъ; онъ рѣдко уходилъ отъ береговъ; смотрѣлъ иной разъ на игры кошекъ и козлятъ, но онѣ не радовали его больше. Чтобы развлечь его, Маримонда дѣлала самые необыкновенные прыжки, самыя уморительныя гримасы; но онъ угрюмо смотрѣлъ на ея забавное усердіе.

Однако не всегда можно тосковать такимъ образомъ безнаказанно: запасъ козьяго мяса у него почти совсѣмъ истощился; пробовалъ онъ опять ѣсть устрицъ и рыбу; но и то, и другое мало подкрѣпляло его силы; морскіе раки очень надоѣли: ему нужна была другая пища. Сдѣлавъ большое усиліе, онъ взялъ свой арканъ и пустился въ горы, уже не за козлятами, а прямо за козами.

Маримонда пошла-было за нимъ. Но человѣкъ былъ не въ духѣ, ему хотѣлось быть одному, и потому онъ сдѣлалъ обезьянѣ знакъ, чтобы она осталась дома; но на этотъ разъ,

она вовсе не расположена была слушаться. Она пошла за нимъ, останавливалась, когда онъ оглянется, опять за нимъ слѣдовала и не отставала до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не прикрикнулъ на нее; тогда она остановилась, сѣла, и долго, печально слѣдила за нимъ глазами, какъ будто чуяла какое-то горе, несчастіе.

Вечеромъ, Селькиркъ не пришелъ домой. Маримонда всю ночь прождала его, печально завывая, какъ тоскующая собаченка.

Наступило утро, прошелъ еще день, потомъ прошла ночь, а домикъ все пустъ, и Маримонда понапрасну обшарила всѣ окрестные холмы, взбиралась на всѣ ближнія деревья, отъискивая слѣдовъ своего хозяина.

Глава VI.

Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя Селькиркъ прозвалъ именемъ Страддлинга, преслѣдуя козъ, онъ какъ-то оступился и упалъ съ крутаго обрыва.

Счастье еще, что обрывъ былъ не очень глубокъ и Селькиркъ ушибся не до смерти, хоть и очень больно. Нѣсколько часовъ онъ пролежалъ въ обморокѣ; когда опомнился, то почувствовалъ, что лѣвая нога у него совершенно онѣмѣла, что у правой руки съ большимъ трудомъ сгибаются пальцы и что на всемъ тѣлѣ во многихъ мѣстахъ ссажена кожа; онъ лежалъ на небольшомъ уступѣ, на краю другаго обрыва, который былъ гораздо ниже перваго.

Попробовалъ онъ встать, но голова у него закружилась, какъ-будто послѣ продолжительной болѣзни, и онъ долженъ былъ, какъ можно скорѣе, лечь, чтобы опять не свалиться. Нѣсколько разъ пытался онъ еще вставать, и столько же разъ прежняя слабость заставляла его ложиться.

Такъ прошелъ почти цѣлый день.

Къ вечеру онъ былъ гораздо бодрѣе; привставъ, онъ старался какъ-нибудь ухватиться за корни, которые высовывались изъ земли, подпимался нѣсколько; но корни оставались у него въ рукѣ, и онъ снова падалъ. А между тѣмъ, при каждомъ усиліи, боль въ рукѣ и въ ногѣ становилась сильнѣе. Долго еще старался онъ какъ-нибудь вылѣзть, но наконецъ, выбившись изъ силъ, или заснулъ, или снова потерялъ чувство, только проснулся опять уже на слѣдующее утро.

Бѣднякъ ослабѣлъ и отъ ушибу, и отъ того, что цѣлые сутки ничего не ѣлъ. Ужъ и на островѣ-то онъ былъ одинъ-одинехонекъ; нѣтъ, злой судьбѣ его мало этого! Ему суждена теперь голодная смерть на узкомъ клочкѣ земли! Теперь онъ



Селькиркъ на обрывѣ.

ужъ едва можетъ привстать, а все еще пробуетъ хвататься за землю, за корни, и все больше и больше изнемогая, падаетъ....

Прошло три мучительные дня; истощенный страданіями и безплодными попытками, жаждой и голодомъ, Селькиркъ лежалъ уже неподвижно. Отъ времени до времени онъ передвигалъ то ногу, то руку, чтобы поспокойнѣе улечься, то здоровой рукой поправлялъ подъ собою сухую траву, песокъ, или отодвигалъ безпокоившіе его камни.

Это онъ готовилъ себѣ послѣднюю постель, приготовляясь къ смерти.

Быстро пробѣжалъ онъ мыслью всю свою жизнь и, съ совершенною покорностью волѣ Провидѣнія, старался думать только о будущей вѣчной жизни. Но отъ времени до времени мелькали у него въ памяти то Дунбаръ, то живописныя горы его родины, то университетскія лекціи, которыя онъ слушалъ съ такою любовью къ наукѣ, къ знанію, то отеческій домъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе дни своей жизни, то мать, которая такъ плакала, разставаясь съ нимъ въ послѣдній разъ....

Скоро, однакожъ, онъ прогонялъ отъ себя эти сладостныя картины и съ новою готовностью мысленно поручалъ себя Тому, *кого никто постичь не могъ.* Но отъ благоговѣйныхъ размышленій все отрывали его какіе-нибудь звуки, прилетавшіе съ вершины обрыва. Сначала весело и радостно запѣла птичка. На этотъ дребезжащій голосокъ вдали отвѣчаетъ другой, жалобный голосъ. Вдругъ, что-то пронеслось надъ пустынникомъ: это птичка пролетѣла къ своей подругѣ.

Счастливыя птички! подумалъ Селькиркъ; а я-то бѣдный!...

И опять ему стало жаль разстаться съ жизнью, и опять сердце его болѣзненно заныло, и самыя лучшія, самыя свѣтлыя воспоминанія стали тѣсниться въ его душу. Но онъ погрузилъ эти воспоминанія въ горячую, предсмертную молитву.

Но вотъ онъ слышитъ тихое блеяніе: дикая коза, остановясь на самомъ краю обрыва, со страхомъ и безпокойствомъ глядѣла на него. Потомъ она, какъ будто ничего не боясь и привыкнувъ къ виду безоружнаго человѣка, равнодушно стала щипать травку, которая росла на самомъ краю скалы.

Селькиркъ невольно протянулъ руку къ аркану, лежавшему около него тутъ-же на травѣ.

— Еслибы я могъ поймать ее, подумалъ онъ, и какъ нибудь стащить сюда: я напился-бы ея крови, поѣлъ-бы ея мяса, и тогда, быть можетъ....

Но разбитая рука не слушалась его, а коза, примѣтивъ движеніе человѣка, въ одно мгновеніе пропала. Глаза Селькирка закрылись, болѣзненно опустилась его рука, и

только тяжелый вздохъ выразилъ глубокое отчаяніе.

Наступила ночь, и съ нею страшный ураганъ. При свѣтѣ молніи, замѣтилъ онъ, что дерево, стоявшее недалеко отъ обрыва, наклоняется къ нему отъ ужасной силы вѣтра, трещитъ и, кажется, сейчасъ на него рухнетъ.

— Провидѣніе сжалилось надо мною, прошепталъ себѣ Селькиркъ; пускай это дерево опрокинется сюда; ежели вѣтви его меня не раздавятъ, онѣ послужатъ мнѣ лѣстницей, и я спасенъ!....

Но дерево устояло противъ бури, и послѣдняя надежда разлетѣлась.

Къ утру четвертаго дня, лихорадка у него прекратилась; онъ ужъ не чувствовалъ мученій жажды и голода; онъ совершенно обезсилѣлъ, сдѣлался гораздо спокойнѣе прежняго, и сталъ его одолѣвать тяжелый сонъ; онъ думалъ, что вмѣстѣ со сномъ, придетъ и смерть.

Вотъ, во снѣ, отъ слабости мозга, должно быть, ему послышалось вдали жалобное завыванье, то въ одномъ мѣстѣ, то какъ-будто въ другомъ, то дальше, то ближе. Онъ проснулся; прислушивается: надъ нимъ что-то зашелестило въ кустарникахъ; земля тоже отдаетъ глухой стукъ, будто отъ скачковъ ноны; завыванье становится чаще и чаще, и все яснѣе; и кажется порой, какъ будто дитя плачетъ. Селькиркъ что-то смутно вспоминалъ, онъ начинаетъ узнавать эти жалобы.... Привставъ немного и собравъ послѣднія силы, онъ вскрикнулъ: — Маримонда! и опять голова его упала на песокъ.

На голосъ хозяина въ одинъ мигъ явилась Маримонда и стоны ея обратились въ крики радости. Нѣсколько мгновеній попрыгала она на краю обрыва и начала спускаться такъ проворно, какъ по давно знакомой дорогѣ, хватаясь за вѣтви, за корни....

Тамъ она кинулась прямо къ лицу Селькирка, стала ему лизать щеки, лобъ, глаза, потомъ стала скакать, ластиться, кричать, свистать, хлопать глазами, кувыркаться черезъ него, обнимать его, стараясь чѣмъ нибудь замѣнить даръ слова. Добрая Маримонда! шерсть на ней была мокра, всклокочена, руки въ крови, рѣсницы распухли и покраснѣли. Видно, что она давно пустилась отыскивать своего товарища, что она тоже страдала.

По страшной блѣдности Селькирка, по его почти погасшему взору, она скоро угадала, чего ему недостаетъ. Быстро, какъ птица, взбиралась она нѣсколько разъ по обрыву и возвращалась, принося то плодовъ какихъ-нибудь, то тростинку, наполненнаго вкусной, освѣжающей влагой. Это было обыкновенное время ихъ завтрака, и опять они завтракали вмѣстѣ.

У Селькирка не осталось и слѣда

мысли о смерти съ той минуты, какъ онъ увидѣлъ своего товарища и особенно, какъ до сыта наѣлся. Теперь Маримонда поможетъ ему выбраться на вершину обрыва; ей это ничего не стоитъ, она сама такъ ловко лазитъ. Онъ ужъ подумалъ о своемъ арканѣ, но рѣшился отложить свою попытку до завтра, когда силы хорошенько укрѣпятся; къ тому же въ провизіи недостатка не будетъ: Маримонда такъ усердно приноситъ разныхъ плодовъ.

На другой день онъ далъ обезьянѣ въ руки одинъ конецъ аркана. Надо было, чтобы она привязала его къ дереву, къ какой-нибудь прочной вѣтви; но какъ это объяснить ей? Столько соображенія, ума — нельзя ожидать отъ четырерукаго животнаго. Впрочемъ, можетъ быть, какъ-нибудь уладится дѣло.

По приказанію господина, Маримонда съ концомъ веревки стала взбираться на скалу, но только что понадобилась ей та рука, въ которой былъ арканъ, она бросила его и полѣзла дальше. Нѣсколько разъ Селькиркъ пробовалъ тоже самое, но все неудачно, все кончалось тѣмъ, что веревка падала къ нему назадъ.

Наконецъ онъ рѣшился на послѣднее средство: обвязать веревку поясомъ около тѣла Маримонды и прогнать ее наверхъ; тамъ, кружась и бѣгая, она обовьетъ, какъ-нибудь, арканъ вокругъ дерева, или кустовъ, и — онъ спасенъ.

Она вспрыгнула, таща за собой веревку, взобралась наверхъ, и остановилась, не понимая, чѣмъ кончится такая странная игра, и моргая глазами, съ недоумѣніемъ смотрѣла оттуда на человѣка.

Но ему ужъ надоѣло сидѣть въ ямѣ; онъ сердито прикрикнулъ на обезьяну и махнулъ рукой. Маримонда побѣжала.

Съ безпокойствомъ слѣдилъ онъ за движеніемъ веревки; попробовалъ потянуть ее къ себѣ, потомъ еще, покрѣпче, и Маримонда, хлопая глазами, явилась на обрывѣ. Человѣкъ кричалъ на нее, бранился, она опять уходила, и опять, когда онъ дернетъ, являлась надъ нимъ. Наконецъ ей показалось, что она поняла игру; тогда она, спрятавшись за скалой, выглядывала оттуда внизъ съ смѣшными ужимками. Селькиркъ вышелъ изъ терпѣнія и бросилъ въ нее маленькимъ камешкомъ; Маримонда подняла сухую вѣтвь и бросила въ него.

Тогда онъ бросилъ довольно большой камень и попалъ въ нее; обезьяна побѣжала и веревка начала вытягиваться. Человѣкъ бросилъ ей вслѣдъ еще нѣсколько камней.

Вотъ веревка начала натягиваться крѣпче и крѣпче; вѣрно, замоталась около дерева!.... Въ ушахъ у него зашумѣло; кровь бросилась ему въ голову и забилась въ вискахъ; онъ весь въ лихорадкѣ, но ужъ спасенъ, едва-ли теперь не силь-

нѣе прежняго. Повиснувъ на арканѣ, онъ ногами, колѣнками упирается о скалу, лѣзетъ выше, выше.... вотъ ужъ и вершина....

Ухватясь за верхній камень, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, онъ спасенъ!

А между тѣмъ, какъ онъ такъ взлѣзалъ, бился, думая, заботясь только о самомъ себѣ, онъ не слыхалъ надъ собою глухихъ, болѣзненныхъ стоновъ.

Таская за собою веревку, чтобъ укрыться отъ камней, Маримонда начала-было взбираться на дерево, запутала арканъ около одной вѣтви; но потомъ, когда Селькиркъ натянулъ ее своею тяжестью, веревка прижала бѣдную обезьяну къ дереву, такъ что она едва могла стонать отъ страшной боли.

Селькиркъ увидѣлъ, что Маримонда, прижатая петлей къ миртѣ, едва дышетъ, что на губахъ у нея кровь и пѣна, а глаза на выкатѣ.

Только что онъ бросилъ свой конецъ аркана, Маримонда, какъ снопъ, повалилась на землю и тихо завыла.

Въ страшной досадѣ на себя, Селькиркъ припалъ къ ней, распуталъ ее, потомъ взялъ на руки и понесъ домой. Долго ему, усталому, истощенному, надо было идти, съ такой ношей; нѣсколько разъ онъ останавливался, чтобы перевести духъ, и наконецъ кое-какъ добрелъ.

Дома все у него было пусто, все вверхъ дномъ.

Не получая своего обычнаго корму, козлята пробрались какъ-то сквозь ограду, въ садъ; тамъ они поѣли всѣ плоды, испортили весь садъ, обгрызали даже кору молодыхъ деревьевъ и ушли въ горы. Кошки, также безъ корму, ушли, какъ и козлята; ночной ураганъ разрушилъ остальное.

Селькиркъ остолбенѣлъ: передъ нимъ лежали, плачевной развалиной, ограда, остатки сада и огорода, навѣсъ для козлятъ, и почти вся его избушка, отъ которой осталась только одна стѣна и часть крыши.

Но что ему за дѣло до этого новаго несчастія?... Подлѣ своей постели, онъ приготовилъ для Маримонды другую, тоже изъ козьихъ шкуръ; онъ смотритъ за больной, ходитъ, и разстается съ нею только для того, чтобы пойти въ лѣсъ, въ горы, поискать той травы, которая должна ее вылечить; онъ приноситъ ей всякихъ травъ, цѣлыми охапками; пускай выбираетъ она сама: по своему чутью, она лучше его знаетъ!

Она отворачивается и отталкиваетъ все, что онъ ей ни подаетъ; тогда онъ думаетъ, что не открылъ еще того растенія, которое было нужно, и хоть самъ боленъ и слабъ, однако ходитъ все дальше и дальше, чтобы перерыть цѣлый островъ и помочь, во что-бы то ни стало, бѣд-



Селькиркъ лечитъ Маркмонду.

ной Маримондѣ. Съ каждаго дерева срываетъ онъ по вѣткѣ; со всякаго куста, съ каждой скалы, изъ каждаго ручья беретъ онъ по растенію, по плоду, по нѣскольку листьевъ, по корню. При видѣ всѣхъ этихъ безполезныхъ лекарствъ, Маримонда отворачивается, закрывая глаза; а ежели и откроетъ, то взглянетъ только на своего друга съ выраженіемъ благодарности и опять отвернется. На одно только она согласна, — пить воду, которую подноситъ ей Селькиркъ въ скорлупѣ кокосоваго орѣха.

Почти цѣлую недѣлю Селькиркъ не переставалъ о пей заботиться. Но заботы напрасныя! Маримонда ужъ не выздоровѣетъ: арканъ что-то сильно повредилъ у нея въ груди, и, порой, горломъ у нея идетъ кровь и выступаетъ сквозь ея бѣлые, стиснутые отъ боли зубы.

— Неужели она раздѣляла со мной мою несчастную жизнь для того, чтобы отъ меня-же и погибнуть? На ея первую ласку я отвѣчалъ толчкомъ; первый мой выстрѣлъ на этомъ островѣ былъ направленъ противъ нея! Долго я преслѣдовалъ своею глупою ненавистью это существо, которое одно въ цѣломъ свѣтѣ любило меня и которое должно теперь умереть, потому что спасло меня отъ голодной смерти, въ ямѣ.... И изъ этой ямы я, несчастный, еще бросалъ въ нее каменьями!... Маримонда, мой другъ, мой лучшій другъ!...

И онъ съ глубокою печалью, съ глухимъ отчаяніемъ смотрѣлъ на ея закрытые глаза, на ея лице, которое, порой, подергивалось судорогами.

День ото дня больная ослабѣвала; глаза ея принимали мутный, оловянный отблескъ; она страшно худѣла, и шерсть начинала отставать отъ ея кожи.

Однажды вечеромъ, Селькиркъ большимъ одѣяломъ изъ шкуръ завернулъ Маримонду, которую трясла жестокая лихорадка, а самъ, усталый, измученный до крайности, хотѣлъ только отойти къ своей постели; но она удержала его и, схвативъ его руку обѣими руками, взглянула на него такъ кротко и нѣжно, какъ-будто на прощанье.

Онъ сѣлъ возлѣ нея на землю.

Тогда она, не покидая его руки, положила къ нему голову на колѣна, да такъ и заснула. Селькиркъ не смѣлъ тронуться съ мѣста, не смѣлъ шевельнуться, чтобы не потревожить ея. Черезъ нѣсколько времени онъ самъ уснулъ.

На другой день, онъ проснулся, когда восходящее солнце ужъ освѣщало внутренность избушки; Маримонда лежала въ прежнемъ положеніи; но руки ея были холодны, а около пѣны, на губахъ, около глазъ и ушей суетились цѣлые рои мухъ.

Это былъ трупъ.

Селькиркъ вскрикнулъ и отскочилъ.

Не разъ онъ сухими глазами смотрѣлъ, какъ въ бѣшеной волнѣ погибаетъ человѣкъ, какъ люди, товарищи въ путешествіи и на войнѣ, гибнутъ подъ непріятельскими выстрѣлами; а тутъ онъ неподвижно, долго смотритъ, смотритъ на тѣло своего товарища, своего друга, а слезы такъ и капаютъ ему на грудь.

О чемъ ты такъ плачешь, бѣдный Селькиркъ?...

Обезьяна околѣла.

Глава VII.

Запасы у Селькирка совсѣмъ истощились, но онъ не думаетъ ихъ возобновлять; его домъ и все его хозяйство разстроено, уничтожено, но онъ и не думаетъ ничего поправлять; его садокъ занесло пескомъ, но онъ не разчищаетъ его. Онъ обезсилѣлъ умомъ, ему страшно приниматься за такія большія работы. По прежнему, безъ цѣли и безъ мысли, бродилъ онъ по острову; то заглянетъ въ какую-нибудь нору, то подниметъ камень и стукнетъ имъ со всего размаха о другой, то столкнетъ со скалы ногой камень и, ничего не думая, смотритъ, какъ онъ, прыгая, катится дальше и дальше.

Однажды бродилъ онъ такимъ образомъ и нечаянно зашелъ на то мѣсто, гдѣ онъ сжегъ рощу. Вокругъ него все было черно, мрачно, пустынно. Толкнулъ онъ ногой одну головню, потомъ другую, и вдругъ замѣтилъ подъ золой остатки стѣны, построенной изъ камней, довольно правильно обсѣченныхъ: сейчасъ видно, что тутъ работала рука человѣка и — не дикаря.

Чтоже сдѣлалось съ тѣми людьми, которые тутъ жили? Куда они дѣвались? Этихъ дикихъ козъ и дикихъ кошекъ, которыхъ такъ много развелось теперь на островѣ, вѣрно, еще домашними оставили здѣсь когда-нибудь Европейцы; сожженный лѣсъ встарину, вѣрно, былъ садомъ около ихъ жилища.... Кто были эти люди? Они жили съ нимъ одинаковою жизнью, они смотрѣли на тѣ-же самыя горы; они были ужъ его соотечественниками. Ихъ, вѣрно, было много; но такъ, какъ онъ, жить одному несносно! невозможно!... перерабатывать и перемалывать у себя въ головѣ только свою собственную мысль, прислушиваться, не услышишь-ли между шумомъ волнъ, голосами птицъ и блеяніемъ козъ — человѣческаго голоса, и безпрестанно обманываться!

Онъ думалъ прежде, что ему какънибудь можно будетъ хорошенько,

поспокойнѣе устроиться, чтобы не нуждаться ни въ чемъ и жить мирно. Но, при спокойной и безпечной жизни, мысль о томъ, что онъ одинъ, еще больше тяготила-бы его!

Что ему теперь за дѣло до чудныхъ картинъ природы, которыя окружаютъ его со всѣхъ сторонъ? Безконечное, необозримое пространство неба и моря безпрестанно напоминало ему, и ужъ наскучило напоминаньемъ, что онъ одинъ, одинъ, одинъ, забытъ, пропалъ на незамѣтной точкѣ земнаго шара! Солнце восходитъ, солнце заходитъ великолѣпно, растительность кругомъ чрезвычайно богатая, виды на островѣ живописные; но съ нѣкоторыхъ поръ все это ему нестерпимо тяжело, несносно, наводитъ грусть. Можетъ быть, оно былобъ и не такъ, еслибъ съ кѣмъ нибудь онъ могъ подѣлиться восторгомъ, наслажденіемъ. Не надо ему шумной городской жизни, лишь-бы хоть одинъ товарищъ, который отвѣчалъ-бы на его голосъ, дѣлилъ съ нимъ радость и горе.... Была, правда, Маримонда, она могла иногда развлекать его; да этого мало; она жила съ нимъ только внѣшнею жизнью, а душа-то была все-же не занята. Обезьяна не могла принимать участія въ его духовной жизни, и хотя была привязана къ своему хозяину, хоть у нея было превосходное чутье, а все-же далеко до человѣка.

Селькиркъ преувеличивалъ себѣ ея способности, онъ самого себя обманывалъ, потому что ему надо было имѣть возлѣ себя существо мыслящее; но съ нею нельзя было дѣлиться предположеніями, надеждами, нельзя было сообщать ей мысли. Ея глаза даже смотрѣли не такъ-же, какъ его глаза: она не могла чувствовать удивленія. Эта великая, неоцѣненная способность есть только у человѣка; и эта-то способность заснетъ отъ одиночества!...

И сколько другихъ способностей пропадаетъ!...

Даже самолюбіе заснетъ мало-помалу: встарину, при товарищахъ въ университетѣ или во флотѣ, когда онъ, бывало, отличался какими-нибудь успѣхами, ловкостью, или храбростью, чувство торжества пріятно щекотало ему сердце.

А съ тѣхъ поръ, какъ онъ на островѣ, храбрость его и ловкость безпрестанно, на каждомъ шагу, должны были выказываться, но только по необходимости, по неволѣ, безо всякаго удовольствія; потому что нельзя вскрикнуть отъ торжества, когда знаешь, что никто на этотъ кликъ не отзовется.

Мысленно, съ самымъ тягостнымъ сознаніемъ, пробѣжалъ онъ все, что потерялъ въ изгнаніи, и ему стало жаль самого себя.

— Жить одному! вскричалъ онъ, какая мука! жить безо всякой пользы для другихъ, какой стыдъ! Никому я не нуженъ; великодушіе, са-

моотверженіе, даже состраданіе теперь для меня невозможны.... Да это смерть, преждевременная, позорная смерть!... Ахъ, что я не остался на томъ обрывѣ! Все было-бы уже кончено!...

Повѣсивъ голову, какъ-будто подъ гнетомъ своего унынія, онъ простоялъ неподвижно нѣсколько времени; потомъ вдругъ его лобъ нахмурился: зловѣщая, ужасная мысль мелькнула у него въ умѣ, онъ прибѣжалъ въ свою избушку и схватилъ ружье.... Этотъ послѣдній зарядъ, который онъ хранилъ такъ старательно, окажетъ ему теперь величайшую услугу, избавитъ его отъ жизни и одиночества.... Онъ осмотрѣлъ затравку, провелъ ногтемъ по кремню, и покамѣстъ приготовлялся такимъ образомъ, рѣшимость его ослабѣла: онъ приставилъ дуло къ своему виску и весь задрожалъ: въ немъ проснулось то чувство самосохраненія, которое такъ глубоко въ природѣ человѣка и всякаго животнаго.... Нѣсколько времени онъ колебался, три раза, съ прежнею рѣшимостью, наклонялъ онъ голову къ ружью и три раза приподнималъ ее снова. Наконецъ, чтобы избавиться отъ этого демона самоубійства, который его мучилъ, онъ отвернулся и выстрѣлилъ на воздухъ.

Въ тоже время какъ-будто камень у него съ плечъ свалился: онъ бросился къ Библіи, развернулъ ея намокшіе и ссохнувшіеся листы и съ жадностью сталъ читать Священную Книгу.

Мало-по-малу успокоенный отъ изнурявшихъ его волненій, онъ сладко заснулъ; но и во снѣ еще ему нѣсколько разъ видѣлся страшный призракъ смерти, и мгновенно прогонялъ сонъ.

Такимъ образомъ, проснувшись однажды и взглянувъ на море, онъ увидѣлъ, что по волнамъ бурливаго прилива скользитъ и плыветъ прямо къ берегу какая-то узкая, длинная полоса. По формѣ, по мѣдному отблеску, по множеству колецъ, которыя свивались и развивались вдали, онъ узналъ *большую морскую змѣю*, о которой часто со страхомъ толковали матросы.

Въ уединеніи безпрестанно что-нибудь мерещется пустыннику.

Въ смертельномъ ужасѣ онъ побѣжалъ и спрятался въ пещерахъ своихъ горъ; онъ испугался воображаемаго чудовища, онъ струсилъ; да и не для чего храбриться; никто не смотритъ.

На другой день, вмѣсто морской змѣи, онъ нашелъ на берегу морскую траву, водоросль, необычайной длины. Цѣлыя стада коати, мышей, агути, цѣлыя стаи птицъ рвали, щипали и клевали растеніе, выброшенное на берегъ приливомъ; изъ оторванныхъ кусковъ этой огромной травы сочился густой, коричневый сокъ съ очень пріятнымъ, смолистымъ запахомъ.



Три состоянія Селькирка.

По примѣру мышей, Селькиркъ попробовалъ растеніе и нашелъ, что оно сладковато и необыкновенно вкусно.

Водоросли, въ нѣсколько десятковъ саженъ длины и въ руку толщиной, попадаются довольно часто въ Великомъ океанѣ, и на берегахъ Чили употребляются бѣдными людьми въ пищу.

Селькиркъ припряталъ водоросль, разрѣзавъ ее на части, и опять такимъ образомъ надолго запасся пищей.

Но каково-же было его удивленіе, когда, разрѣзывая траву, онъ нашелъ въ ея змѣистыхъ изгибахъ крѣпко охваченную ими бутылку. Она была плотно закупорена и засмолена; въ ней былъ кусочекъ пергамена, исписанный испанскими словами.

Селькиркъ плохо зналъ испанскій языкъ; многія слова на пергаменѣ едва можно было прочитать; однако, при помощи большаго вниманія и терпѣнія, онъ понялъ вотъ что:

«Я, Хуанъ Гонза.... (конца слова «нельзя было разобрать) едва спасся «отъ смерти, послѣ крушенія ко-«рабля *Фернандъ Кортецъ*. Двое сы-«новей моихъ.... и все.... погибло; «меня волны выбросили на островъ «Сан-Амброзіо, неподалеку отъ бере-«говъ Чили. Я одинъ, въ отчаяніи, и «едва могу существовать........... «Богъ и люди.......... сжалить-«ся...........»

Остальныхъ словъ, внизу, невозможно было разобрать, подъ густымъ слоемъ плесени.

Глава VIII.

Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Селькиркъ на островѣ, у него пробудилось глубокое, истинно человѣческое сочувствіе: на томъ-же самомъ океанѣ, гдѣ онъ самъ, въ тѣхъ-же краяхъ, есть другой такой-же несчастный, точно также лишенный общества людей, точно также страдающій!

Въ тоже время Селькиркъ вспомнилъ о той скалѣ, о томъ островѣ, который онъ видѣлъ вдали, съ Оазиса, въ тотъ день, когда помирился съ Маримондой.

Это, вѣрно, островъ Сан-Амброзіо; тамъ живетъ, тамъ страдаетъ его новый другъ, который еще несчастнѣе его самого! Бѣдный отецъ! онъ потерялъ обоихъ сыновей, все свое имущество и надежду когда нибудь снова увидѣть свою родину.

Теперь этотъ другъ требуетъ его помощи, и Селькиркъ рѣшится на все, чтобы только не обмануть его ожида-

ній. Душа Селькирка будто ожила новою жизнью, когда попала въ нее искра новой, чужой жизни, и съ необыкновенною дѣятельностью онъ принялся за выполненіе своего предпріятія. Дѣлать лодку, это — слишкомъ долго, хоть и можно-бы было, потому что на островѣ были очень большія деревья изъ породы миртъ. Гораздо вѣрнѣе и прочнѣе — хорошій, большой плотъ.

Онъ срубилъ нѣсколько молодыхъ деревьевъ, обрѣзалъ съ нихъ вѣтви и докатилъ до песчанаго берега, который во время прилива покрывается водою. Тамъ онъ связалъ эти бревна, какъ можно прочнѣе, волокнами алоэ, ремнями, потомъ выбралъ такое дерево, у котораго корни расползались во всѣ стороны по поверхности земли, какъ это бываетъ у многихъ деревьевъ въ тѣхъ краяхъ. Это будетъ у него мачта. Обрѣзавъ вѣтви, съ необыкновенными усиліями, онъ поставилъ дерево на корни, посреди плота, и снова все перевязалъ и перепуталъ. Паруса у него остался еще порядочный кусокъ, а взамѣну пригодится его койка изъ тюленьей шкуры.

Потомъ онъ сдѣлалъ себѣ руль и два весла, чтобы всячески бороться съ неудачей, если она будетъ. Наконецъ все желѣзо, какое только у него было, всѣ гвозди употребилъ на то, чтобы еще скрѣпить и сколотить свой плотъ, и сталъ терпѣливо ждать особенно большаго прилива.

За этой трудной, продолжительной работой, онъ былъ чрезвычайно спокоенъ духомъ и счастливъ. Когда онъ ужъ очень уставалъ, то уходилъ въ Оазисъ къ могилѣ Маримонды, съ которой ему скоро надо было разстаться. Тамъ, онъ въ подзорную трубу снова отъискивалъ далекую скалу, долго смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ, и, забывшись, говорилъ иной разъ: — Подожди, бѣдный другъ мой, потерпи! Скоро, скоро я буду съ тобою раздѣлять твое бѣдственное уединеніе!....

Теперь Селькиркъ находитъ ужъ наслажденіе сочувствовать чужимъ несчастіямъ; онъ ужъ не думаетъ только о томъ, какъ-бы ему было хорошо; онъ больше всего думаетъ о своемъ другѣ.

Но вотъ сильный приливъ забѣгаетъ ужъ на песчаную отмель, и волны ужъ начинаютъ поднимать углы тяжелаго плота.

Селькиркъ проворно переноситъ на него свой топоръ, ружья, козьи и тюленьи шкуры, Библію, подзорную трубу, лѣстницу, трубки, скамейку, все свое богатство.

Вступая во владѣніе островомъ, онъ вырѣзалъ на корѣ многихъ деревьевъ число и мѣсяцъ своего прибытія; но какого числа онъ уѣзжалъ — никакъ не могъ-бы онъ опредѣлить, потому что онъ давно перссталъ считать время.

Когда волны совершенно подняли плотъ, онъ схватилъ одно изъ своихъ веселъ и, съ большими усиліями отпихиваясь, сдвинулся наконецъ на глубокое мѣсто. Тамъ, поднявъ парусъ и ухватясь за руль, онъ гордо обернулся къ своему острову и — какъ-то жаль ему стало — не уединенія, не живописныхъ горъ, не веселыхъ ручьевъ, а тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ былъ такъ несчастливъ, тѣхъ мѣстъ, которыя были свидѣтелями его борьбы съ злою судьбой.

Парусъ надулся отъ свѣжаго юговосточнаго вѣтру и плотъ медленно двинулся къ новой землѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, то, что казалось ему съ острова Селькирка черноватой точкой, скалой, стало расти, расти, такъ что ужъ можно было различить довольно высокія горы, покрытыя зеленью, кустарникомъ, а можетъ быть и деревьями. Такъ онъ не ошибся! Это въ самомъ дѣлѣ островъ, и теперь ужъ нѣтъ никакого сомнѣнія, здѣсь живетъ, страдаетъ его другъ, съ которымъ онъ раздѣлитъ уединеніе.... Скорѣе! скорѣе!....

Но плотъ подвигается равномѣрно медленно. Прошло еще нѣсколько часовъ. Оба острова, Сан-Амброзіо, и Селькирка, одинъ впереди, другой позади, для невооруженнаго глаза, одинаково кажутся черными точками.

Вотъ мало-по-малу его островъ становится незамѣтнымъ даже при помощи подзорной трубы, и униженно пропадаетъ въ волнахъ, а Сан-Амброзіо, гораздо красивѣе, живописнѣе поднимается ясно, гордо, заманчиво.... Ужъ Селькиркъ ищетъ подзорной трубой избушки, такой же какъ была у него.... А вѣтеръ между тѣмъ, дуетъ все сильнѣе и сильнѣе.

Вдругъ, отъ одного порыва, мачта немного наклонилась впередъ; онъ бросился снова прикрѣплять корни къ плоту. Напрасный трудъ! Корни поднимаются, парусъ все больше и больше тянетъ мачту, и наконецъ, вмѣстѣ съ нею падаетъ въ воду.

Но островъ Сан-Амброзіо недалеко, и Селькиркъ не потерялъ бодрости духа. Схвативъ весла, онъ принялся изо всѣхъ силъ работать ими, но ничего не могъ сдѣлать, не могъ нисколько подвинуть тяжелаго плота, который то поднимался на вершину волны, то опускался, и покачиваясь такимъ образомъ, какъ будто не шелъ ни взадъ, ни впередъ.

Селькиркъ не могъ сносить уединенія на своемъ богатомъ, живописномъ островѣ, а тутъ онъ одинъ среди неизмѣримаго океана на нѣсколькихъ едва связанныхъ между собою бревнахъ.

Онъ не смѣетъ ни прямо взглянуть на свое ужасное положеніе, ни вникнуть въ него: онъ боится за

свой разсудокъ. Мачта ему нужна и парусъ. Койка есть вмѣсто паруса, а чтобъ имѣть мачту — одно средство — отдѣлить одно изъ бревенъ плота и какъ нибудь поставить его по срединѣ. Отъ этого, можетъ быть, плотъ не будетъ ужъ такъ проченъ, какъ прежде; да что же дѣлать? Вѣдь, средствъ не много и выбирать не-изъ-чего.

Выбравъ такое дерево, которое, по видимому, меньше всего нужно было для прочности плота, онъ старается отдѣлить его, разрѣзываетъ связи, выдергиваетъ гвозди съ большою осторожностью.... Но между тѣмъ, какъ онъ работалъ такимъ образомъ, плотъ попалъ на одно изъ морскихъ теченій, которыхъ такъ много въ Тихомъ океанѣ. Справа и слѣва отъ плота, волны, поднятыя вѣтромъ, унимались въ быстромъ, пѣнящемся потокѣ, и вмѣстѣ съ нимъ несли плотъ прямо къ югу, вдаль отъ Сан-Амброзіо, вдаль отъ острова Селькирка и отъ твердой земли. Кудаже? въ какихъ невѣдомыхъ глубинахъ океана долженъ погибнуть несчастный?

Къ довершенію несчастія, въ тѣхъ краяхъ послѣ дня наступаетъ ночь вдругъ, и зари почти не бываетъ.

Посреди глубокой темноты, Селькиркъ все плыветъ, плыветъ куда-то. Сначала онъ слышалъ, какъ подъ нимъ скрипитъ и трещитъ его непрочный плотъ; а потомъ, подъ ударами волнъ, которыя бросаютъ его то туда, то сюда, онъ началъ вертѣться, кружиться, сперва медленно, а потомъ быстрѣе и быстрѣе. Поднялась наконецъ луна, но неуспокоила ужаса несчастнаго: голова у него кружилась, и синеватые отблески, перебѣгавшіе въ разныхъ мѣстахъ по крутизнамъ волнъ, казались ему странными призраками, которые собрались полюбоваться на его ужасную кончину. Волосы у него стали дыбомъ, онъ былъ блѣденъ, и, скорчившись, держался за одно изъ своихъ бревенъ, съ безсмысленнымъ ужасомъ стараясь остановить свой взоръ на одномъ изъ призраковъ, которые подымаются, падаютъ и кружатся вокругъ него.

Передъ неумолимою и неизбѣжною смертью, Селькиркъ ужъ не борется съ нею, а думаетъ только о томъ, что будетъ послѣ, о будущей жизни. Онъ приползъ къ тому мѣсту плота, гдѣ лежали его припасы, и жадно схватилъ свою измокшую Библію, не для того, чтобы ее читать, а чтобы только прижать къ своему сердцу. И стало ему тогда спокойнѣе, и сталъ онъ бодрѣе ожидать смерти.

Съ благоговѣніемъ онъ поручалъ себя Богу, упрекалъ себя въ томъ, что не былъ доволенъ ниспосланными ему благами, а все хотѣлъ какой нибудь перемѣны, чего нибудь новаго.

Тутъ, взглянувъ на небо, онъ увидѣлъ, при ясномъ свѣтѣ луны, не вдалекѣ отъ себя, массу знакомыхъ скалъ: вотъ тюленья бухта, вотъ посреди скалъ покрытое тѣнью углубленіе, Оазисъ, вотъ козья скала, на которой Селькиркъ, въ первый разъ ступивъ на свой островъ, видѣлъ козу, съ длинными рогами, когда ея очеркъ, чернымъ пятномъ, красиво и четко рисовался на ясной лазури; изъ за этой скалы выглядываетъ ласково группа звѣздочекъ, будто зоветъ.... Не думая долго, онъ бросился въ воду и поплылъ. Долго, изо всѣхъ силъ боролся онъ съ теченіемъ и наконецъ, едва дыша, утомленный, измученный, онъ ступилъ на каменистое дно. Внѣ себя отъ радости, бѣгомъ, добрался онъ до берега, упалъ на него и сталъ цаловать гостепріимную землю.

Но подумать только, такъ радость исчезаетъ, какъ дымъ. Что осталось нашему бѣдному пустыннику послѣ этого опаснаго и безполезнаго плаванія? Топоръ, ружья, всѣ орудія, подзорная труба и даже Библія, все поглощено моремъ.

Теперь-то для тебя, бѣдный Селькиркъ, наступило настоящее одиночество, теперь-то пришла пора, когда твои руки должны будутъ замѣнять тебѣ всякое искуственное орудіе, когда возлѣ тебя не будетъ ужъ ровно ничего человѣческаго, когда не будетъ у тебя утѣшительной Книги, еще спасавшей тебя отъ унынія!

Глава IX.

1-го Февраля 1709 года корабль, «Бристольская Герцогиня», обогнувшій мысъ Горнъ вмѣстѣ съ другимъ кораблемъ, остановился возлѣ острова Жуанъ-Фернандецъ, подъ 33° южной широты, на разстояніи пяти или шести сотъ верстъ отъ береговъ Чили.

Другой корабль долженъ былъ скоро пристать туда-же.

У матросовъ показались признаки цынготной болѣзни, такъ надо было тамъ остановиться и отдохнуть, поправить здоровье экипажа.

Уже палатки были раскинуты; матросы разбрелись по всему острову, и очень были удивлены, когда замѣтили, что вдали какое-то мохнатое существо лазитъ по самымъ неприступнымъ горамъ, — обрывамъ и утесамъ, и перепрыгиваетъ со скалы на скалу съ легкостью серны; стали подходить къ этому существу, обходить его, но оно убѣгало и скрывалось съ невообразимой быстротой.

Нѣкоторые изъ матросовъ хотѣли даже стрѣлять въ него, но одинъ

офицеръ, по имени Доуэръ, запретилъ имъ это; къ счастію мелькнула у него мысль, что это, можетъ быть, не обезьяна, а человѣкъ.

Возвратясь къ товарищамъ, матросы, на перерывъ, стали разсказывать чудеса о томъ, что видѣли. Въ то время между моряками были въ большомъ ходу разныя чудовищныя сказки, о великанахъ, открытыхъ въ Патагоніи, о морскихъ людяхъ, по берегамъ Бразиліи, о черныхъ людяхъ, съ ногами какъ у раковъ, по ту сторону Парамарибо.

По этому матросы и рѣшили, что открытое въ тотъ день животное — особенный четвероногій человѣкъ; но такъ какъ въ такихъ предположеніяхъ — раздолье воображенію суевѣрныхъ и необразованныхъ людей, то нѣкоторые догадывались, что это или человѣкъ съ козьими ногами, или, можетъ быть, даже обезьяна съ козьей головой.

На другой день, всѣмъ хотѣлось навѣрное узнать, что это такое? Цѣлой гурьбой матросы пошли, отъискали мѣсто, гдѣ спряталось загадочное существо, окружили его и схватили.

Это былъ Александръ Селькиркъ. Волосы у него были длинны, всклокочены, борода успѣла отрости огромная, тѣло прикрыто клочьями козьихъ шкуръ, глаза сверкали какимъ-то страннымъ блескомъ, и онъ изъ подлобья, со страхомъ смотрѣлъ на людей.

Когда его привели къ капитану корабля, Роджерсу, несчастный пустынникъ, потупившись, дрожалъ всѣмъ тѣломъ и на вопросы капитана отвѣчалъ что-то невнятное, съ трудомъ шевеля языкомъ, повторялъ его послѣднія слова.

Мало-по-малу однако испугъ его прошелъ, онъ узналъ своихъ соотечественниковъ, Англичанъ, и хотѣлъ сказать нѣсколько словъ: но языкъ не слушался его, онъ пробормоталъ какіе-то странные, непонятные звуки.

Роджерсъ спросилъ его, съ которыхъ поръ, давно-ли онъ на островѣ? Селькиркъ молчалъ, однако понялъ вопросъ, потому что вдругъ со страхомъ поднялъ глаза, и оглянулся во всѣ стороны, будто измѣрялъ памятью все время, проведенное имъ въ одиночествѣ. Самъ онъ хорошенько не зналъ, но помнилъ длинный рядъ постоянныхъ страданій. Пристально смотря себѣ на пальцы, онъ нѣсколько разъ открывалъ и сжималъ свои руки.

Судя по этому, можно было подумать, что онъ ужъ лѣтъ двадцать или тридцать на островѣ, и сначала всякій ему повѣрилъ, потому что на лбу у него были глубокія морщины, кожа сильно загорѣла, а въ бородѣ и на головѣ было ужъ много сѣдыхъ волосъ.

А Селькиркъ родился въ 1680 году: тогда ему было едва только двадцать девять лѣтъ.

Отвѣчавъ такимъ образомъ пальцами, онъ опять пугливо оглянулся во всѣ стороны; въ немъ проснулось смутное воспоминаніе. Сдѣлавъ впередъ нѣсколько шаговъ, онъ радостно указалъ на одинъ кедръ. Это было то самое дерево, на которомъ, въ день своего прибытія на островъ, Селькиркъ вырѣзалъ, такъ памятные для него, годъ, мѣсяцъ и число. Тамъ, на зароставшей корѣ, прочли надпись:

— Александръ Селькиркъ — изъ Ларго, въ Шотландіи, — 27 Октабря, 1704.

Онъ пропадалъ четыре года и три мѣсяца.

Страннымъ покажется, что человѣкъ, въ такое короткое время, могъ такъ ужасно одичать; но современникъ его, de Paw, пишетъ именно, что «одиночество и заботы «о пропитаніи такъ поглощали всѣ «его способности, что умъ у него «почти совершенно притупился. Онъ «одичалъ, какъ дикій звѣрь и почти «совершенно разъучился произно-«сить понятные звуки.»

За обѣдомъ, Селькиркъ, вмѣстѣ съ матросами получилъ порцію сухарей и солонины. Сухари онъ грызъ съ большимъ удовольствіемъ, но солонины никакъ не могъ ѣсть, потому что совершенно отвыкъ отъ соли. Одинъ изъ матросовъ хотѣлъ особенно дружески угостить его и отдалъ ему свою бутылку, въ которой былъ ромъ пополамъ съ водой. Сель-



Вильгельмъ Демпиръ.

киркъ, послѣ перваго глотка, бросилъ бутылку, какъ-будто она обожгла его.

Вечеромъ онъ былъ перевезенъ на корабль.

Тамъ, въ нѣсколько дней, онъ мало по малу привыкъ къ обыкновенной пищѣ. Мысли какъ-будто просыпались у него въ головѣ, даръ слова возвращался, и онъ, хотя медленно, привыкалъ къ новому роду жизни.

Однажды утромъ, въ то время, когда весь экипажъ былъ занятъ дѣломъ, и изъ матросовъ — кто собиралъ на берегу плоды, кто конопатилъ и смолилъ корабль, вдругъ издали, съ моря, принесся глухой раскатъ пушечнаго выстрѣла. Въ одинъ мигъ на кораблѣ все захлопотало: матросы полѣзли на мачты, народъ съ острова высыпалъ на берегъ, офицеры схватились за подзорныя трубы: это плылъ давно ожидаемый корабль, который тоже долженъ былъ пристать къ острову Жуанъ-Фериандецъ.

Главнымъ лоцманомъ на новомъ кораблѣ былъ знаменитый въ морскихъ лѣтописяхъ неутомимый путешественникъ и воинъ, Вильгельмъ Демпиръ. Едва только сошелъ онъ на берегъ, какъ услышалъ о новомъ чудѣ, дикомъ человѣкѣ. Демпиръ скоро вспомнилъ, что лѣтъ восемь тому назадъ онъ зналъ одного Александра Селькирка, и еще вмѣстѣ съ нимъ служилъ на одномъ кораблѣ.

Сначала не узнали другъ друга прежніе товарищи; но Демпиръ назвалъ тотъ корабль, на которомъ они служили, назвалъ капитана, потомъ сказалъ свое имя, и Селькиркъ, внѣ себя отъ радости, бросился обнимать своего стараго друга.

Того, что чувствовалъ Селькиркъ, описать невозможно: старый другъ и съ нимъ — ясное воспоминаніе всего прошлаго какъ-будто электрическимъ ударомъ воскресили его душу.

Не теряя времени, Демпиръ обрѣзалъ волосы своему дикарю, обрилъ ему бороду, одѣлъ въ порядочное платье и представилъ его капитану Роджерсу, какъ храбраго, искуснаго моряка и своего стараго товарища.

Заботы и участіе Демпира оживили Селькирка. Почти первая, самостоятельная мысль его была о томъ несчастномъ, который можетъ быть до сихъ поръ томится на пустынномъ островѣ. Разсказавъ о бутылкѣ съ исписаннымъ пергаменомъ, онъ просилъ какъ можно скорѣе отправить туда лодку.

— Мой бѣдный другъ и пустынникъ, отвѣчалъ ему Демпиръ, покачивая головой; ближній отъ насъ островъ — Мас-а-Фуэра, а не Сан-Амброзіо, который лежитъ почти подъ тропикомъ, стало быть, верстъ девять сотъ отсюда. Тутъ есть какое-нибудь недоразумѣніе во времени и въ мѣстахъ. Сан-Амброзіо не



Селькиркъ и капитанъ Роджерсъ, съ своимъ экипажемъ.

пустъ; на немъ вотъ ужъ лѣтъ двадцать живутъ какіе-то разбойники-рыбаки. Въ послѣднее путешествіе мое приставалъ я къ ихъ острову; но они меня встрѣтили ружейными выстрѣлами, такъ что я долженъ былъ отвѣчать имъ изъ пушки. Стало быть, когда ты получилъ посланіе отъ этого бѣднаго Гонзальва или Гонзалеса — его давно уже не было въ живыхъ.

Исполнивъ такимъ образомъ то, что требовало человѣколюбіе, Селькиркъ спросилъ, не слыхать-ли чего-нибудь о Страддлингѣ?

— Плохо кончились дѣла этого несчастнаго, отвѣчалъ Демпиръ; страшная буря наказала его за все то зло, какое онъ дѣлалъ; корабль, и съ нимъ все имѣніе погибло; самъ Страддлингъ едва уцѣлѣлъ и съ трудомъ добрался до Шотландіи, оборванный, въ рубищѣ, нищимъ.

Слушая это, Селькиркъ вздохнулъ: ему жаль стало своего бывшаго начальника; онъ былъ такъ счастливъ, что — помирился со всѣми прошлыми непріятностями, помирился даже съ своимъ островомъ.

Каждый день онъ бродилъ съ своимъ другомъ по разнымъ частямъ острова, и ужъ съ любовью смотрѣлъ на тѣ мѣста, гдѣ онъ столько страдалъ. Конечно, Демпиръ скоро узналъ всю печальную исторію пустынника. Разсказавъ ему то, что мы ужъ знаемъ, до самой постройки плота и его крушенія, онъ съ какимъ-то стыдомъ началъ разсказывать о своихъ послѣднихъ несчастіяхъ, которыя довели его до того ужаснаго положенія, въ какомъ онъ найденъ былъ матросами.

Онъ потерялъ все, что у него было; потерявъ Библію, онъ лишился самой могущественной нравственной подпоры; топоръ, котелъ, лопаты — пропали, и уже нельзя было работать; надо было только заботиться о пропитаніи. Сначала онъ ѣлъ только траву, плоды и коренья; но этого было мало; вооружась палкой, онъ сталъ гоняться за агути, а ежели не удавалось поймать ихъ, или зашибить камнемъ, онъ ѣлъ крысъ.

Ночью, онъ потихоньку взбирался на деревья и тамъ безпощадно удавливалъ тукана, мать, вмѣстѣ съ ея птенцами, или изъ дупла доставалъ дятловъ. Но безъ шуму взлѣзать было нельзя, и крылатая добыча очень часто ускользала у него изъ рукъ.

Онъ пытался сдѣлать лѣстницу; но въ то время, какъ срѣзывалъ подъ самый корень два длинные, тонкіе, ствола, ножъ его, послѣднее орудіе, сломался, и онъ былъ въ отчаяніи.

Онъ пробовалъ сдѣлать себѣ изъ волоконъ алоэ сѣти для ловли птицъ; но всякое постоянное, продолжительное занятіе сдѣлалось для него несноснымъ, и онъ бросилъ эту работу.

Селькиркъ и капитанъ Роджерсъ, съ своимъ экипажемъ.

Чтобъ избавиться отъ мрачныхъ, страшныхъ мыслей, которыя не покидали его, онъ старался какъ можно больше утомлять свое тѣло.

Отъ постояннаго упражненія, силы его развились невѣроятно. Кожа на ногахъ окрѣпла и затвердѣла такъ, что его ужъ не кололи ни иглы алоэ, ни острые кремни. Послѣ крайняго утомленія, онъ засыпалъ, гдѣ попало, и это были его лучшіе, самые счастливые часы.

Скоро онъ дошелъ до того, что догонялъ агути съ большою легкостью, такъ, что ужъ пересталъ за ними гоняться; потомъ онъ принялся за козлятъ, а потомъ и за козъ. Онъ пріобрѣлъ столько ловкости, силы и вѣрности взгляда, что съ вершины одной скалы на другую, перепрыгнуть черезъ пропасть — было ему ни по чемъ. Онъ даже находилъ въ этомъ удовольствіе. Тутъ у него по своему удовлетворялось самолюбіе.

Иной разъ, перепрыгивая черезъ огромныя пространства, онъ случайно хваталъ на лету птицу.

Пришло наконецъ время, когда онъ безъ большихъ усилій догонялъ козу.

Когда ему хотѣлось ѣсть, онъ уходилъ въ горы, на самыя дальнія вершины, высматривалъ дичь, преслѣдовалъ ее, догонялъ, сбивалъ съ ногъ палкой или хваталъ за рога; потомъ оставшійся у него обломокъ ножа дѣлалъ свое дѣло. Снявъ съ козы шкуру, онъ взваливалъ ее къ себѣ на плеча и съ прежнею легкостью пробирался или въ пещеру какую-нибудь, или на дерево, гдѣ ему надо было въ тотъ день и ѣсть, и спать. Давно ужъ онъ отказался отъ своей избушки: отъ нея было слишкомъ далеко до вершинъ, гдѣ онъ охотился.

Когда у него была въ запасѣ убитая дичь, и тогда онъ все-таки пускался на охоту, но ужъ гонялся за козами только изъ удовольствія; поймавъ козу, онъ только надрѣзывалъ ей ухо. Въ послѣдніе годы своей жизни на островѣ, онъ переловилъ и отмѣтилъ такимъ образомъ больше пятисотъ головъ.

После его отъѣзда, мореходцы, пристававшіе къ острову Жуанъ-Фернандецъ, убивали много козъ, у которыхъ были надрѣзаны уши ножемъ Селькирка.

Тѣло его, отъ безпрерывной дѣятельности, крѣпло все больше и больше, но мысль, лишенная всякой пищи, со дня на день путалась и расплывалась въ неясныхъ, неопредѣленныхъ мечтахъ, почти въ сновидѣніяхъ на яву.

Иногда бывалъ онъ совершенно безчувственъ, а иногда боялся самъ не зная чего, боялся темноты, дрожалъ при малѣйшемъ шелестѣ вѣтра въ листьяхъ; когда вѣтеръ былъ очень сильный, ему казалось, что вотъ-вотъ онъ вырветъ съ корнемъ всѣ деревья и они раздавятъ его;

когда во время бури, море бѣшено билось въ берега, Селькирку все казалось, что оно сейчасъ поглотитъ весь островъ.

Когда онъ одинъ одинехонекъ и ужъ давно не слыхавъ человѣческаго голоса, бродилъ по лѣсамъ, особенно во время сильныхъ жаровъ, ему слышался иной разъ чей-то какъ будто знакомый голосъ: — Селькиркъ!.... И онъ быстро озирался и, никого не видя, въ ужасѣ, бросался бѣжать, бѣжать, и на головѣ у него волосы поднимались дыбомъ. Иной разъ ему слышались довольно длинныя фразы; другія прерывались на половинѣ, и онъ догадывался, что-же надо было сказать дальше; но догадывался какъ-то ощупью, смутно, неясно, какъ будто въ густомъ туманѣ; и всѣ эти слова и рѣчи были совсѣмъ посторонні, вовсе не относились къ его положенію.

Случалось, что онъ и узнавалъ голоса. То его мать говорила слугамъ, что пора поливать капусту, то командовалъ на кораблѣ Страддлингъ; однажды онъ узналъ такимъ образомъ голосъ давно забытаго университетскаго товарища. Иногда хотѣлъ онъ самъ что нибудь сказать, но ему съ трудомъ удавалось произнести нѣсколько нелѣпыхъ звуковъ.

Совсѣмъ переставъ говорить, онъ иногда еще пѣлъ, но тянулъ все какой-то одинъ однообразный, заунывный напѣвъ. Память его мало по малу угасла. Порой, даже, онъ забывалъ о самомъ себѣ, и жилъ какъ-то не человѣкомъ; но тогда, по-крайней мѣрѣ, чувство уединенія не тяготило его, онъ не зналъ тогда своихъ несчастій.

Онъ припоминалъ однакоже, что одинъ разъ необыкновенный шумъ на берегу привлекъ его къ тюленьей бухтѣ; тамъ онъ увидѣлъ множество солдатъ и матросовъ. Отъ мысли — что онъ снова будетъ съ людьми, сердце его сильно забилось, и онъ сталъ торопливо спускаться со скалъ; но вдругъ онъ услышалъ выстрѣлы и нѣсколько пуль просвистало мимо его ушей. Онъ убѣжалъ такъ быстро, какъ еще никогда не бѣгалъ.

Однажды забрелъ онъ на то мѣсто, гдѣ прежде жилъ. Тропинокъ тамъ ужъ не было, гротъ былъ совсѣмъ заваленъ, избушка вѣрно была снесена бурей, но онъ узналъ ея мѣсто по пяти роскошнымъ миртамъ, на которыхъ было множество свѣжихъ отпрысковъ — тамъ, гдѣ прежде были обрублены вѣтви. Только оба ручья, по прежнему, весело и игриво извиваясь по долинѣ, сливались съ моремъ.

Тутъ услышалъ онъ шелестъ въ вѣтвяхъ дерева, и поднялъ глаза, думая увидѣть Маримонду. Но это зашевелилась птица. Тогда онъ вспомнилъ, что Маримонда лежитъ въ Оазисѣ; пошелъ туда, но придя къ могилѣ, поросшей густою тра-

вой, онъ забылъ зачѣмъ пришелъ; постоялъ, постоялъ, и полѣзъ на крутизны скалъ.... Страшно, страшно жить одному! Когда человѣкъ не можетъ оживить своей мысли чужою, мысль пропадаетъ, и не живетъ въ безплодной головѣ.

— Да, мой бѣдный другъ, сказалъ ему Демпиръ; человѣку, безъ другихъ людей нельзя обойтись, да правду сказать, нечего и бѣгать людей. Конечно, между нами попадаются Страддлинги, но вѣрь мнѣ, я вотъ во второй разъ объѣзжаю кругомъ свѣтъ: на свѣтѣ гораздо меньше злыхъ, нежели добрыхъ, да и между дурными людьми — больше необразованныхъ или взбалмошныхъ.

Капитанъ Роджерсъ также полюбилъ несчастнаго Селькирка и далъ ему на своемъ кораблѣ хорошее мѣсто. Незадолго до отъѣзда съ острова Жуанъ-Фернандецъ, Селькиркъ, при всѣхъ матросахъ обоихъ кораблей, показалъ какъ онъ охотился за дикими козами. Одѣвшись въ свое прежнее платье, онъ отыскалъ козу и пустился ее преслѣдовать. Со скалы на скалу, съ крутизны на крутизну, онъ гналъ ее неутомимо, перескакивая черезъ широкія пропасти, и наконецъ согналъ въ долину. Тамъ измученная коза помчалась какъ стрѣла, но не выдержала упорной погони. Какъ-то спотнувшись отъ усталости, она упала, и Селькиркъ принесъ ее капитану живую. Одно ухо у нея было ужъ надрѣзано.

На одномъ кораблѣ съ Демпиромъ, Селькиркъ путешествовалъ еще нѣсколько лѣтъ и вернулся въ Англію съ порядочнымъ состояніемъ. Тамъ скоро его исторія сдѣлалась извѣстною, потомъ перепуталась, явилось множество описаній его жизни и наконецъ, въ 1717 году, Даніэль-де-Фоэ написалъ своего Робинзона Крузое.

У него человѣкъ въ одиночествѣ становится лучшимъ; это несправедливо. Провидѣнію угодно было устроить такъ, чтобы человѣкъ жилъ въ обществѣ другихъ людей, чтобы жилъ для другихъ столькоже сколько и для себя, чтобы любилъ своихъ ближнихъ.

Эгоистъ, себялюбецъ, который заботится только о самомъ себѣ, — живетъ одинъ на свѣтѣ, какъ Селькиркъ; онъ не повинуется волѣ Провидѣнія, но по той же самой неисповѣдимой волѣ, нравственно падаетъ также низко, какъ Селькиркъ.

КОНЕЦЪ.



посвященное

Его Императорскому Высочеству Великому Князю

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

редакторомъ *М. Чистяковымъ*.

№№ 1, 2, 3, 4 и 5 этого изданія вышли и раздаются подписавшимся.

Содержаніе ихъ:



Цѣна въ переплетѣ **одинъ** р. сер.

